

Борис
БУРМИСТРОВ

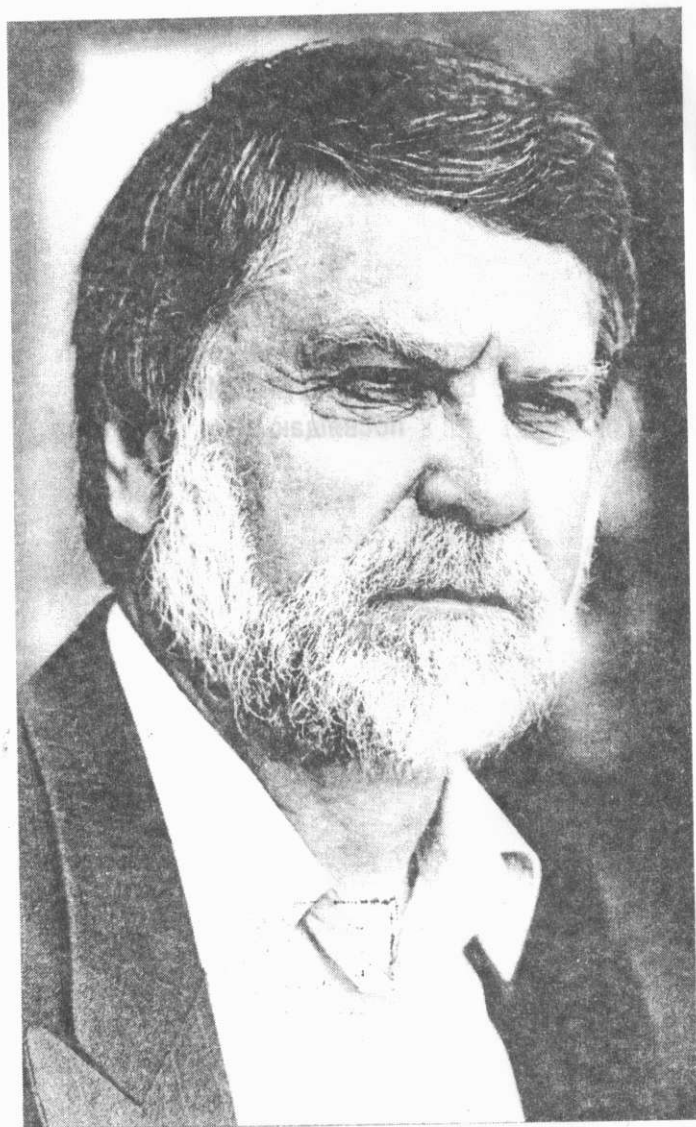
ДЕНЬ ЗИМНЕГО
СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Светлой памяти моего отца
ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА
посвящаю...

Борис
БУРМИСТРОВ

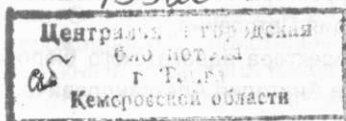
ДЕНЬ ЗИМНЕГО
СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

✓

45520-1

КЕМЕРОВО
«СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»
2001

Художник
Василий Кравчук

Фото Юрия Юрьева

Автор сердечно благодарит за помощь в издании книги:

Губернатора Кемеровской области — Тулеева Амана Гумировича;

Начальника департамента культуры — Бедина Владимира Ивановича;

Мэра города Кемерово — Михайлова Владимира Васильевича;

Директора ГУ Кемеровской дирекции областного дорожного фонда — Санникова Александра Феликсовича;

Генерального директора ООО «КемеровоПром» — Найдова Михаила Ивановича и исполнительного директора — Зайцева Анатолия Максимовича;

Директора опытно-производственного хозяйства «Новостройка» — Эльмурзаева Александра Алексеевича;

Директора тепличного совхоза «Суховский» — Левина Геннадия Петровича;

Директора адвокатского бюро «Имгер и партнеры» — Имгера Анатолия Александровича.

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Природа... Пригород... Призвание — эти слова витают в поэзии Бориса Бурмистрова, мерцают, как призрачные грани его мироздания, они притягивают и удерживают его стихи, наполняя их особым смыслом, эти слова неизбывны и неизменны, как присяга неповторимому взору своей судьбы, они приветливы и приютны для долгожданного путника, осваивающего земные и небесные тропы...

И еще одно вещее слово, тайнокрылое и животворящее слово — Причастие — осеняет поэта и питает его душу Божественным Светом Жизни. И это зрелость поэта, его божественное зрение, умеющее отличать Ослепительный Свет от Ослепительной Тьмы, сыновий долг от судьбы блудного сына, страшную и великую правду родного народа от смертельного великолепия инородной прелести.

Простое и отвесное название книги — День зимнего солнцестояния — сокровенно содержит в себе пресветлость Рождества Христова и незримо источает среди неоглядной зимы человеческой — душевное тепло.

Вся книга — как солоновато-солнечная капля-судьба, в которой прозрачно и нераздельно смешались кровь, пот и слезы русского человека. А русский человек страждет и радуется сейчас, в этот миг, во всех неизвестных деревушках и пригородах-городах своей неудельной и оскверненной родной земли. А душа русского человека мучается и веселится во всех временах: от до-Владимирской полутьмы — полу-света и до грядущего грозно-державного дня Правды Божьей на земле. Это и есть наша сирая Отчизна, полусклоненная и дрожащая под пристальным прищелком отчима своего — князя мира сего. Каков народ, таков и царь. И это часть страшной правды народа о себе самом. Но зрелость поэта ведает и радостную правду о русском народе, Боголюбящем и Боголюбимом. Духовный опыт поэта утверждает: что разъединяет, то и соединяет. И дверь, которая сейчас закрывает Царствие Божие от нас, она же и открывает.

В тайне Подобия скрывается и открывается смысл Жизни. Как сын похож на отца, так отец похож на сына. В поэзии Бориса Бурмистрова, как в капле, отражается круг, словно древо его творчества. Так волнистый лист бе-

резы похож на кудрявую березку, а тополиный лист, как зазеленевшее пламя свечи, совпадает с весенним пламенем притомского тополя.

Стихи Бориса Бурмистрова имеют свои корни в русской поэзии. Прежде всего это патриаршья поэзия Гавриилы Державина, первоохватывающая и отражающая всю полноту русского бытия: живописание деревенской жизни, почти озвученные картины военных сражений, торжественные оды русским царям и полководцам, интимное переживание античности, неистребимая любовная лирика, дуэльные эпиграммы и, наконец, одна из вершин духовной русской поэзии — стихи о Боге. Подобная полнота творческого самовыражения присутствует и торжествует в стихах Бориса Бурмистрова в этой книге, которую вы держите перед собой и которую он написал в течение последних своих двенадцати лет зрелым человеком, обретающим свое Призвание в русском народе и Причастность свою к Богу.

Пригород — ключевое слово в поэтической судьбе Бориса Бурмистрова. Он — человек пригорода-слободы — предместья — огромного мира русской простонародной и разночинной жизни. Это мощный ствол его поэтического Древа. Ему он присягнул на верность и верен каждым своим стихотворением. Здесь он свой в братском содружестве с Николаем Некрасовым, Аполлоном Григорьевым, Яковом Полонским. Здесь рождаются его городские романы и «русские народные песни», любовная лирика предместья и слободская прибаутка — ни городская, ни деревенская... Но подспудный и судный гул двадцатого столетия, как зарево, стоит за каждым его стихотворением. В метафизическом обрамлении беспощадно-четкой графики второй половины двадцатого века незатейливые бытописания поэта зияют неизведанной глубиной и пронзают током нового духовного напряжения. Здесь поэзия Бориса Бурмистрова сопрягается с ядерным неоклассицизмом Юрия Кузнецова, но по духу своему она ближе и роднее тихой сирости Николая Рубцова.

Так, объятая огненной дрожью, навсегда отрывается от космодрома тело ракеты, так кланяется-склоняется плакучая ива своими ветвями к своему отражению: свое к своему, родное к родному.

Эта книга — кровь от крови, пот от пота, слеза от слезы русского народа уже неразлично-различимая в Богопрозрачном течении русской поэзии, обретающая свое целомудрие меж ее глубинно-высоких берегов...

29 июня 2001, Кемерово
Александр Ибрагимов

НЕ РАЗЛЮБИ

* * *

И холмы, и равнины,
И глухая тайга.
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...

Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня.

Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далекий былинный
Голос предков моих.

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Как это было все давно —
Страданья, слезы ожиданья,
Доныне светится окно,
Там, где жила вдова Наталья.

Там по соседству — инвалид
Ей бередил гармошкой душу...
Она за то его простит
В ту зимнюю и злую стужу,

Когда его в короткий гроб
Положат бабки отпевая,
Она ему окрестит лоб
И, в путь последний провожая,

Смахнет слезу и запоеет,
Да так отчаянно и горько:
«...Наверно, милый мой идет,
На нем защитна гимнастерка...»

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заколочены крестом
Два окна в бараке том,

Два окна — и тьма и свет —
Память там, а нас там нет.

Там гуляют сквозняки,
Задевая косяки,

Там давно уже в ночи
Холод веет от печи.

И который год подряд
Молча стены голоса...

СМЕРТЬ БАБКИ

Успокоилась, руки сложила,
Отдохнуть вдруг решив среди дня,
И лицо ее будто молило:
Не будите без дела меня.

И ходили на цыпочках дети,
И внучата молчали в углу.
Все, казалось, затихло на свете,
Только время текло по стеклу...

Отдыхает старушка, ей спится,
Знать, усталость — причина тому...
Отчего же в слезах наши лица
И так скорбно и зябко в дому.

ОТЕЦ

Пришел с простреленной рукой,
Но, слава ветру, что живой.
От ветра дрогнула рука,
Прицел нарушив у врага.
Но страшно мне, а если б нет:
Ослаб бы ветер в тот момент
Или совсем в тот миг затих...
Не досчитался б мир двоих.

НАЧАЛО СЕЗОНА

Прохладно, прозрачно и звонко,
Дорога, как скатерть, бела,
Пыхтит на подъем «пятитонка»,
В снегу сбуксанула, пошла.

Сто сил лошадиных в упряжке,
Сто тысяч отдельно чертей.
И «джин капитанский» во фляжке,
От тряски становится злей.

Спешим. Вот за тем перевалом
Нас ждет незнакомый ручей:
«Там золота, братцы, навалом —
Лопатой шуруй лишь ловчей...»

Мы знаем, что он привирает,
Наш старый, испытанный «пред»,
Но деда артель понимает,
Он все-таки умница — дед.

Спускаемся вниз по распадку,
Все тише и тише мотор.
И вот разбиваем палатку,
И вот уже первый костер,

И вот уже повар хлопочет,
И в круг собрались едоки,
И джин в наших глотках хохочет:
«Чуть-чуть за приезд, мужики».

БАТАГАЙ

Отменены надолго все полеты,
Над летным полем виснут облака,
И без работы — грустные пилоты
Играют в подкидного дурака.

Не протолкнуться в «зале ожидания»,
Ни встать, ни сесть: на каменном полу
Мешки, узлы, как знаки запинанья,
Расставлены неправильно в углу.

Четвертый день — и не видать просвета,
Туман укрыл поселок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму Господу давай!

Спешит народ: кто в Гагру, а кто в Сочи,
Висит плакат. Гласит: «Аэрофлот —
Удобно, быстро, днем или среди ночи...»
А отпуск мой, наверно, здесь пройдет.

Хожу, брожу в измятой куртке финской,
Пишу стихи про этот чудный край,
Поет транзистор — голос Кристалинской:
«Не улетай, родной, не улетай...»

КОНЕЦ СЕЗОНА

Скрипит шуга на Индигирке,
Дымок над банькою — ура!
Последний вечер — вечер стирки
И разговоров до утра.

Ну что ж, дружище, вновь до встречи,
Вино сладчайшее горчит,
Сидим в кругу — прощальный вечер,
И семиструнная бренчит.

Поют друзья про Север дальний,
Про Колыму, про Магадан,
У Славки слух немзыкальный,
Но он стучит, как в барабан,

В пятиведерную кастрюлю,
Чтобы эффект был шумовой,
А Колька Семин — все про пулю,
Про не вернувшихся домой.

Поют друзья, разноголосье
Сливается в единый хор...
И повариха — бабка Фрося
В мужской встревает разговор:

«Спасибо, милые сыночки,
За доброту да за привет,
Мне б с вами дальше, да от дочки
Куда теперь под старость лет».

И замолчала, губы сжаты,
Который год она одна,
И мы смущенно прячем взгляды,
Как будто наша в том вина,

Что спьяну муж на самосвале
Вниз с перевала, по крутой —
Разбился сам, и дочки Вали
Не стало... Век теперь одной.

Шуга скрипит, колючий ветер
Несет снега с холодных гор,
Сидим в кругу — прощальный вечер,
И длится, длится разговор...

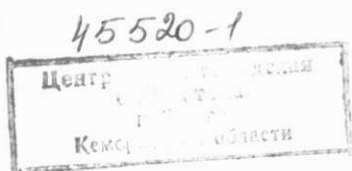
НАКАНУНЕ

Застыли лодки у причала,
Ледок у берега хрустит,
Река как будто одичала
И в одиночестве молчит.

И тишина над гладью сонной.
Укрыты дымкою дома,
И тянет невод многотонный
По небу хмурому зима.

Еще забывшись в полудреме,
Среди покинутых полей
Сидит на включенной соломе
Веселый ветер — снеговой.

Мороз в снега собрал всю влагу,
Все тяжелее небосклон...
И по хрустящему оврагу
Крадется зимний долгий сон...

* * *

Хоронили в селе пастуха,
Говорили: «Ударило громом.
А за ним никакого греха
Не водилось». И тихо над гробом
Разговоры вели мужики:
«Видно, Богу угодно так было,
И ему, знать, нужны пастухи,
Без присмотра нечистая сила...»
Помолчали, и гроб понесли,
В дальний путь от родного порога...
А наутро коровы пошли,
От копыт загудела дорога.
Вышел сын пастуха Николай
И отцовским кнутом размахнулся,
Щелкнул лихо и крикнул: «Давай!».
И без злобы на стадо ругнулся.

* * *

Всего-то и было две фразы:
«Прощай», «Уходи», а потом,
Как будто от страшной проказы,
Метнулась ты в каменный дом.

Лишь двери — две старые скрипки —
Скрипели в подъезде пустом,
И воздух холодный и липкий
Хватал я простуженным ртом.

Но крик мой подобен был грому.
Он в двери, он в окна стучал,
Метался то к мрачному дому,
То снова к губам прилипал.

Казалось, вот-вот повернется
Мой разум, я кану во тьму
И слово такое сорвется,
Что вылетят стекла в дому...

Но кто-то спокойно и мудро
До нас все давно рассудил,
Настало прекрасное утро,
И я все обиды забыл.

Над крышами день занимался,
И в окна стучался рассвет,
И встречным я вновь улыбался,
И мне улыбались в ответ.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Расставанья, расстоянья —
Очень близкие слова,
От свиданья до свиданья
Побелела голова.
Сколько лет и сколько весен
Пролетело с той поры...
Нас с тобой венчает осень.
И осенние дворы
Нас встречают виновато,
Будто знают наперед:
Это время листопада
Отцветет и отойдет.
Будут белые метели
Ветки кленов серебрить,
Зимы, весны не успели
Нас с тобой соединить.
Наше позднее венчанье...
Осень.
Желтая трава.
Расставанья и свиданья —
Очень близкие слова.

* * *

На тебя я глядел сквозь стекло,
Долго, долго — глаза стеклятели,
Там тебя обнимало тепло,
А меня целовали метели.

Ни войти, ни уйти я не смел,
Хоть манила иная дорога,
Так стоял — стеклянел, леденел
У примерзшего к дому порога...

* * *

Скрипел тротуар деревянный
И снег под ногами скрипел,
Я шел в этот город туманный,
Я чудо увидеть хотел.

Я думал: ворота распахнутся
И юность коснется меня...
О, как мне хотелось вернуться
В мгновенья ушедшего дня...

Но, стукнувшись будто о стену,
В морозном тумане стою,
Куда же, куда же я дену
Тяжелую душу свою?!

БОЛЬНИЧНОЕ

Перешагну больничное крыльцо
И попаду в объятия апреля,
И ветер свежий шибанет в лицо,
И на печи подкатит друг Емеля.

Эх, прокати, Емеля, прокати!
Да так, чтобы свистело за плечами,
Перехлестнулись снежные пути
С зелеными весенними дождями.

И ничего, что боль еще в груди.
Накручивая скорость до упора,
Гони, Емеля, родненький, гони
Подальше от больничного забора.

Мне вслед кричат о чем-то доктора...
Спешить, спешить, пока снега не тают,
Там, где гуляют сильные ветра,
Меня друзья с надеждой ожидают.

ДРУГУ ПОЭТУ

Забудется, заблудится,
Уйдет в осенний сад,
А над землею кружится
Веселый снегопад.

И с удивленьем встречные
Глядят на чудака:
«Видать, дела сердечные», —
И крутят у виска.

А он идет по городу,
И что ему тот снег,
Который красит бороду
И тает возле век.

Автобус тронет плавненько,
Его толкнет слегка.
Очнется: «Вот и славненько,
Вот и нашлась строка»...

* * *

Опять дожди тиранят город
И горизонт в тумане скрыт,
Сижу в саду (собачий холод),
А рядом женщина сидит.

Сидим, не смею молвить слова,
Боюсь движением спугнуть,
Она, мне кажется, готова
Вот-вот на веточку вспорхнуть.

«Не улетайте, заклинаю», —
Я про себя шепчу, шепчу.
Хотя совсем не понимаю,
Зачем сижу, зачем молчу?..

Все на круги свои вернется,
Уже светлеет горизонт.
И женщина сидит, смеется,
Со мною вместе солнца ждет.

* * *

Загляделся в прозрачный ручей
И над жизнью задумался снова:
Отдохнуть бы от мутных речей
В ожидании светлого слова.

Как прекрасен родимый язык,
Как он в строчки, созвучья ложится,
Словно к чистой водице приник —
До конца моих дней не напиться ...

КОЛЫМСКАЯ СТЕНА

(Отрывки из поэмы)

1

Череп, череп — там, где были глаза —
Лишь пустоты, — вернее, глазницы,
А когда-то оттуда сбегала слеза,
Трепетали от света ресницы.
Боль когда-то стучала в виски
И от мыслей внутри было тесно...
Колыма, Колыма — золотые пески,
И святое, и грешное место.

2

Не писал я про Север пока,
Не сказать, что иные заботы,
Просто долго дрожала рука
От тяжелой колымской работы.
Просто долго дремала строка,
Замирала и вновь просыпалась,
Ударяясь волной в берега,
На которых полжизни осталось...
Что о прошлом теперь мне тужить,
В те далекие трудные годы
Приходилось мне землю долбить,
Обнажать коренные породы.
И, как все, я тогда уставал,
Звал на помощь всемогущего Бога!
К свету, к солнцу Века поднимал,
Что ни метр — иная эпоха...
Кто там был — не осудит меня,
Знали цену мы мерзлону пуду...

А теперь мне подайте огня!
Ничего не забыл, не забуду.

3

От Магадана тыщу верст
На Север тянется погост,
Нет в мире кладбища длинней —
По всей дороге хруст костей...
Остановите, хоть на миг,
Поток машин,
Я слышу крик.
Из-под земли несется он,
Верней, не крик, а слабый стон,
Кричать устали мертвецы...
Простите, братья и отцы:
И после смерти вам опять
Мы не даем спокойно спать...
Молчит Колымская стена —
Где имена,
Где имена?

4

«Ольчан», «Победа», «Бурустах» —
Стоят на северных ветрах,
Здесь ветер южный — редкий гость,
От мамонта большую кость
Нашли в заброшенных местах,
И френч в георгиевских крестах,
От тачки ржавой колесо —
Все рядом, рядом.
Смерть в лицо
Глядела пристально и зло.
Холодный пот студил чело,
Когда я заступ поднимал
И об металл стучал металл,
Искали золото в горах,
Но отрывали чей-то прах —
Средь неба ясного гроза...

И снова смерть — глаза в глаза,
И слезы мертвые в глазах —
«Ольчан», «Победа», «Бурустах» —
И свет, и тени на Весах.

5

Его я встретил там, на прииске,
Он не скрывал, что бывший «зек»,
А нынче он (смотри прописку)
Простой, советский человек.
Работал в бане, в раздевалке,
Жил по закону «не вылазь»,
Но средь приятелей по пьянке
Шумел: «Видал я эту власть».
Никто не знал, откуда родом,
За что он много лет сидел,
А он кричал, что он с народом
Шел за идеи под расстрел,
Он говорил, а я все слушал,
Он пел, прищулив левый глаз...
И песни лагерные
Душу
Мою тревожили не раз.
И все казалось ясно, просто —
Пришлось за правду, мол, сидеть...
Но вот у дальнего погоста
Его настигла злая смерть.
Она гналась за ним давненько,
Он в страхе много лет ходил,
И бывший «зек» по кличке «Фенька»
Ему за брата отомстил.
Так или эдак
Было это,
Но я потом
Не раз слышал,
Что тот «дедок»
Ценой навета
Себе свободу покупал.
И стало ясно все и сложно —
Не так уж прост был этот дед...

На камне надпись: «Осторожно,
Здесь похоронен людоед»...

6

«Вот здесь стоял лагпункт четвертый, —
Седой старатель вспоминал. —
Начальник был калачик тертый,
Он службу рьяно исполнял,
Он говорил, что думать вредно
И ни к чему, мол, много знать,
Он человек, как есть, военный:
Прикажут — будет выполнять.
Ему плевать на все заслуги,
Коль осужден — выходит, враг».
И обмороженные руки
Несет поэт к себе в барак...
К себе в барак избитой тропкой.
И мысль одна — упасть и спать...
А конвоир бубнит с издевкой:
«Работать — не стишки писать».

7

Прошли железные машины
По тем местам, по тем крестам.
И память, будто комья глины,
Мы равнодушно тракторам
Отдали,
Кинули под траки.
И руки вымыли. Чисты...
Пускай сломали те бараки...
Ну, а кресты, зачем кресты?
Где отыскать нам прах поэта:
Лагпункт четвертый иль седьмой?..
Конец весны, начало лета,
И я с поклонной головой
Бреду знакомыми полями
И встречным кланяюсь холмам,
Остановлюсь в зеленом храме,
Дам волю вольную слезам...

8

А тот начальник, где он ныне?
 Труд завершив, ушел «на дно»,
 И запах крови и полыни
 Забыл, наверное, давно?
 Построил дачу возле моря,
 Вкушает сладкие плоды.
 И что ему — людское горе.
 И что ему — до той беды.

9

Далекий край, суровый край,
 Да разве ты виной всему?
 Есть на земле и ад, и рай,
 Но кто вершит — куда кому?
 И кто теперь припомнит всех,
 Кто воскресит те имена?..
 Примите, люди, этот грех,
 Нам за него платить сполна.
 Со всех концов земли видна —
 Стоит Кремлевская стена,
 От глаз людских удалена —
 Лежит Колымская стена.

10

Утро в распадке, над сопками дым,
 Снова костры оживают.
 Друг мой сердечный, давай посидим —
 Редко затишье бывает.
 Друг мой далекий, давай говорить,
 Столько сказать не успели.
 Мерзлую землю не просто долбить —
 Мы это делать умели.
 В холод, в жару, от зари до зари,
 Благо, мы молоды были.
 Милый мой друг, говори, говори,
 Что мы припомнить забыли —
 Помнишь ту зиму и тот переход,
 Как полынью проглядели,

Как уходили ребята под лед —
Мы им помочь не успели.
Как мы ругали друг друга тогда,
Зубы сжимая от злости.
Разве мы знали, что снова беда
Скоро нагрянет к нам в «гости?»
В дальнем распадке почти через год
Там, у крутого обрыва,
Колька-взрывник сам себя подорвет,
Нас прикрывая от взрыва.

11

Вновь потянуло ветром южным,
Весна, весна на Колыме.
И стая чаек криком дружным
Меня встречает на корме.
И с каждым часом дальше, дальше
Престольный город Магадан.
И нет в душе ни грамма фальши,
И пуст старательский карман.
Но грусти нет — есть боль познания
Всех тех бессонных дней, ночей.
Земля любви, земля страданья,
И горькой памяти моей.
Проститься время мне настало,
Прощай, планета Колыма!
Дороже желтого металла
Твоей истории тома,
Которые, я верю, пишут.
И капля в том — моя строка...
И слышу я, как камни дышат
И память бьется в берега...

Магадан — Кемерово

ДУША

* * *

Песочные часы. Шуршание песчинок.
Почти не слышен времени уход.
Мир состоит из капелек и льдинок,
Из снежных гор и океанских вод.

Великое и крохотное рядом,
Минутное и вечное — в одном,
В одном сосуде розово-стеклянном,
Заполненном просеянным песком.

Текут песчинки, время отмеряют.
На дно сосуда падают шурша...
И с каждой песчинкой умирает
И снова возрождается душа.

Неумолимо времени течение,
Судьба — песчинка. Двигается песок...
И смерть полна высокого значенья —
Душе никто не отмеряет срок.

* * *

Предзимье в лесу. Не зима и не осень.
Безвременье. Снег ли, листва шелестит,
И слышится скрип, и кряхтение сосен,
И небо, как чистая простынь, висит.

Предтеча, предвестье чего-то иного,
Чему-то еще замерзнуть или течь,
Еще не написано первое слово,
Уже отзвучала заздравная речь.

Еще я живу в ожидании чуда,
Еще в преломленьи сойдутся лучи.
И писем, еще не написанных, груда
Пожаром лесным вдруг взметнется в ночи.

Загадки, разгадки природных явлений,
В предчувствии света — душа распахнись!
Уже промелькнули холодные тени,
Еще зарождается новая жизнь.

Предзимье в миру. Безотчетность и смута.
Уже поднебесье темнеет, грозит.
Еще в ожиданьи звенящего утра
По мокрым дорогам поземка скользит.

* * *

Голову на плаху положу,
На сучок древесный погляжу...
Гикнет, ахнет весело палач —
Разнесется по деревне плач.
Горлом хлынут гулкие слова,
Застучит по склону голова,
С той горы, что лобною зовут,
Бренные останки унесут.
А потом устроят правый суд,
На тот суд округу соберут —
Не виновен, скажут, был мужик...
А топорик вжик себе да вжик,
А топорик стук себе да стук —
Крепок в плахе этот самый сук.
Да и плаха вроде бы крепка,
И топор держащая рука,
Не работа, а «искусство» рук...
Головы невинные секут.
Что там думать, проще топором —
Разберутся, дайте срок, потом.

ПОГОРЕЛЬЦЫ

Раскатали домишко по бревнышку,
И снежком притоптали дымок,
И навстречу студеному солнышку
Покатили свой хилый возок.

Что их ждет впереди за холмами?
Что им низкое небо сулит?
Снег тяжелый скрипит под ногами,
Спотыкаясь, собака скулит.

Неизвестность, неясность, тревога
И надежда, что это — пока...
И петляет, петляет дорога,
Будто тянется нить из клубка.

Разматывается пряжа нескоро,
И нескоро окончится путь.
У чужого приткнется забора
Этот горький возок отдохнуть.

И живем мы спокойно на свете,
На душе ни тоски, ни вины.
Тянут воз свой российские дети
По дорогам любимой страны.

Распутица, сумятица и слякоть,
Храп и стенанье взмыленных коней,
О Родине не только петь и плакать,
Еще и думать надобно о ней.

Истерзанные русские равнины,
Могилы предков пылью занесло.
Добро бывает часто без причины,
Осмысленным бывает чаще зло.

И потому мне больно и тоскливо —
Мотивы зла понять я не могу.
Два берега. Жизнь, как река, бурлива,
И на каком остаться берегу?..

Распутица. Тащу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и... взмыленных людей.

* * *

Когда сменяются цари —
Один другому петлю вяжет,
Пока погода, до зари —
Мужик с молитвой поле пашет.

Когда сшибаются вожди —
Один другому яму роет,
Пока не грянули дожди —
Мужик соломой избу кроет.

Когда грозятся небеса
И над землею гром грохочет,
Гуляет по полю коса —
Мужик о будущем хлопочет.

* * *

До прозренья — один только миг.
До презренья — одна только капля...
Вновь несется разрубленный крик
И от боли сжимается сабля.

Кто вложил ее в руки отца,
Кто кровавую передал сыну?
Нет начала и нету конца —
Разрывают на части Россию.

Где же разум, любовь, доброта,
Милосердие и состраданье?
Оглянусь — позади пустота,
Впереди — темноты ожиданье.

Что творится на нашей земле?
И святое, и грешное хают,
Угольки разгребают в золе,
А пожары вокруг полыхают.

Я кричу, но разрублен мой крик.
Лишь летит непонятное «...авля».
До презренья — один только миг,
До прозренья — одна только капля.

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ

Забываем: кто мы, и откуда
Наши корни, стволы и листва?
Не слышать среди страшного гуда
Наших предков святыя слова.

Не слышать среди грохота пушек,
Как шуршит и метет листопад.
Вновь глаза сердобольных старушек
На восход боязливо глядят.

Что взойдет там, за серую далью?
Что так долго в округе темно?
Воздух полнится пылью и гарью,
Черный ворон стучится в окно.

Снова дети уходят на битву,
Унося свою душу и плоть,
Вслед читают старушки молитву:
«Сохрани и помилуй, Господь!»

Не убий и убитым не будешь,
Не кради у голодного хлеб,
Если заповедь эту нарушишь —
Разорвется сплетенье судеб...

Все вы нам одинаково любы, —
Погоди же сыночек, погода, —
Тихо шепчут старушечьи губы, —
Сохрани и помилуй, Господь!»

ИСПОВЕДЬ

Говорил я чужими словами,
Коих смысл не всегда понимал.
Черным вороном жил между вами,
Вас за белых ворон принимал.

Не ломал я в сражениях копья,
И разгневанных стрел не метал,
Не в доспехи, в мирские дохмотья
Свои сильные плечи вдевал.

Так и жил, суетился? Едва ли.
Когда правда горела в огне,
Когда люди от боли кричали —
Молчаливо стоял в стороне.

По придуманным стаяй законам
Жить да жить бы, не слышать... не знать...
Но душа вдруг проснулась со стоном —
Что теперь в оправданье сказать?

Покаянье — мое это право,
Кто поверит заблудшему мне?
Тишина. Пожелтели дубравы,
Исповедуюсь им в тишине.

* * *

Сколько прошел дорог,
Сколько спалил мостов,
Слишком печален итог —
Много могил и крестов.

Сколько друзей схоронил,
Сына отнес на погост.
Кто из неведомых сил
Сжег этот крохотный мост?

Господи! Что впереди,
Пламень в душе или лед,
Молот тяжелый в груди
В ребра безжалостно бьет.

Что же мне делать теперь,
Новые строить мосты?
Двери слетают с петель —
Поле, снега и кресты.

ПАМЯТИ СЫНА

1

Осиротел мой дом,
Душа осиротела,
Лишь тень в углу пустом
От маленького тела.

Тяжелый скрип дверей
И прошлых звуков — звуки...
Я глажу тень кудрей
И вздрагивают руки.

Я слышу пустоту
И звон пустой посуды.
Уходят в темноту
Прошедших дней минуты.

Я слышу их шаги,
Они все глуше, глуше,
И тень моей руки
Меня за горло душит.

Пунктирный след во мгле
И ничего нет кроме...
И пусто на земле,
И пусто, пусто в доме.

* * *

2

Хороним мальчиков своих,
Любимых мальчиков хороним.
Наотмашь бьет судьба под дых,
И мы от боли адской стонем.

Какая сила держит нас?
Тебе и мне пред кем виниться?
Вокруг метели — дикий пляс
И чей-то плач, и чьи-то лица.

Пред кем колени преклонить,
Кого просить, кому молиться?
Но поздно, поздно — рвется нить,
И нет узла, чтоб зацепиться.

Чтоб удержать в руках ту нить...
Скользит, скользит меж пальцев время.
И как теперь нам дальше жить,
И как нести такое бремя?

За что же, Господи, за что?
Ответа нет, и не дожждаться...
В прихожей к детскому пальто
Мое пытается прижаться.

* * *

Мысль последнюю сердце толкнет
В ясный день, в половине шестого
Меж землею и небом замрет
Мысль моя, не вошедшая в слово.

Примет тело родная земля,
Не чужая, хотелось бы верить,
И сибирских кровей тополя
Будут путь тот до кладбища мерять.

Мысль моя, продолжая полет,
Вдруг ворвется в пространства иные
И далеких потомков найдет,
И в слова облачится земные.

* * *

Все, что от жизни возьму —
Все, уходя, возвращу,
Канув в кромешную тьму,
Всем ли и все ли прощу.

Все ли прощу я себе,
Все ли могу я прощать,
В этой заблудшей судьбе
Было о чем мне вещать.

Было о чем сожалеть,
Крест свой нелегкий неся...
Мог бы давно умереть —
Без отпущенья нельзя.

Без очищенья грешно,
Раньше, до Судного Дня,
Всем отпущенье дано...
Нынче простят ли меня?

* * *

Опять несет меня волна.
И так вся жизнь течет волнами.
Я заплатил за все сполна
Любовью, кровью и словами.

За все заплачено, и все ж
Кровоточит сквозная рана,
И пуля — в тело, в душу — ложь
Из одного летят нагана.

Земля моя, мой отчий дом,
Я знаю жизни этой цену.
Земля кругла, но за углом
Вновь чей-то глаз прильнул к прицелу.

* * *

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.

Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь —
Храни их Боже: мать, жену и дочь.

* * *

Ходил, бродил по свету,
Все подбирал по цвету:
Рубаху, женщину, пиджак.
А вслед кричали: «Вот чудак,
Ему не нравятся цвета!
И то — не то, и та — не та.
Неповторимый ищет цвет,
Его, быть может, вовсе нет».
Я улыбался им в ответ —
Нашел единственный тот цвет.
Не зря бродил по свету —
Все подобрал по цвету:
Улыбку, волосы, пальто,
И эта — та, и это — то.

ИЗ ЦИКЛА «КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ»

1

Дом. Окно. Задернутая штора.
На пол сброшен ситчик голубой.
Ты меня забудешь очень скоро,
Я тебя забуду очень скоро,
А потом забудут нас с тобой.

А пока целуй меня, красотка,
А пока, бедовая, пляши,
У меня в кармане полусотка,
На столе шампанское и водка,
Что еще нам надо для души...

Кончен бал, распахнуто окошко,
Что не так, как водится, прости,
Для меня ты ласковая кошка,
Для тебя я Борька или Гошка...
Все равно. Пора уже идти.

Разъезжаются, кончен сезон,
Не должно быть для грусти причины.
Скоро, скоро в объятия жен
Попадут удалые мужчины.

Вот уже в чемоданы летят
Полотенца, носки и пижамы...
На вокзале с рассвета стоят
В карауле курортные дамы.

Провожать они вышли «своих»,
Хоть и временных, все же хороших,
Ни судить, ни оправдывать их
Не могу, да и вряд ли кто сможет.

Разъезжаются, кончен сезон,
Проводницы в вагонах судачат...
Покидая дождливый перрон,
Одинокая женщина плачет.

В МАСТЕРСКОЙ ФОТОГРАФА

Смотрю на собственный портрет,
Не узнаю себя на фото.
Неужто мне так много лет —
Моложе выглядеть охота.

Фотограф мало дал огня,
Поспешно щелкнул и... готово.
Как может женщина меня
Любить, угрюмого такого.

Тут впору жалобу писать,
Что, мол, фотограф не при деле...
На эту матову печать
Глаза мои бы не глядели.

Уж больно хмур я и сердит,
Хотя в тот день, я помню точно, —
Глядел с улыбкою в «Зенит»,
Ждал встречи с женщиной, заочно.

И не могу теперь понять —
На чем оставлю свой автограф?
А мастер: «Может переснять?».
Иду, сажусь. Огня, фотограф!

Не лги себе и ближнему не лги,
Ложь, как болото, заведет, затянет.
От пустозвонства душу береги,
Во лжи душа невольницей завянет.

Понять себя и ближнего понять,
Найти слова и в радости, и в горе...
Не торопись друзей своих менять,
Лишь потому, что с ними в краткой ссоре.

Вначале душу выслушай свою,
А мысли придержи, чтоб не мешали.
Не лги другим, — себе я говорю, —
Чтоб и они в ответ тебе не лгали.

* * *

Светлое слово «люблю»,
Теплое слово «жалею»,
Горькое слово «терплю»,
Грустное слово «старею».

Страшное слово «умру»,
Жуткое слово «забвенье»,
Доброе слово «дарю»,
Вечное слово «рожденье».

* * *

Все больше зимние пейзажи
Рисует мальчик, мой сосед,
И дарит девочке Наташе,
И говорит: «Прекрасный цвет».

Белеет серый лист бумаги
Под кистью юного творца,
Белеют рощи и овраги,
И снег белеет у крыльца.

Белым-бело во всей округе,
Что уместилась в полотне...
И мчит малыш к своей подруге
На белом, белом скакуне.

Рисуй, малыш, все белым цветом,
Пока так чувствует рука,
Пока еще ты с белым светом
Лишь познакомился слегка.

ПОКЛОНИСЬ ЗЕМЛЕ РУССКОЙ

РОДОВА

Сыну Сергею

Это дерево вечно растет,
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь,
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла Любовь,
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне — сыны вольнодумства,
В моем сердце доныне горит
Ваш огонь доброты и безумства.

Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

Горе сгинет и смута пройдет,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,
Русь, Россия — судьба и опора.

* * *

Я сын любви, я внук раздора,
Вокруг пустынные поля,
И за пределами простора
Еще просторнее земля.

А за спиной все смято, сжато —
В сундук железный под замок...
Мне новой Родины не надо,
Она одна — как Свет, как Бог.

И я любви своей не скрою,
Не отрекись и на огне,
И все прошедшее со мною,
И все минувшее во мне.

Вновь мировая зреет ссора,
Стою на огненном крыльце —
Я сын любви, я внук раздора,
Отец и дед — в одном лице.

* * *

Как цветок придорожный поникну
На исходе холодного дня.
Проходящему поезду крикну,
Не услышат в вагонах меня.

Только ветром размытые лица,
В желтых рамах успеют мелькнуть.
Будет пыль над землею кружиться,
Оседая на рельсовый путь.

Оседая на травы степные,
Осыпаясь на плечи и грудь...
Простучали колеса стальные,
Скорый поезд назад не вернуть.

Улетел за седые отроги,
То ли в сказку опять, то ли в быль...
Одиноко стою у дороги —
Оседает столетняя пыль.

* * *

Когда один в ночи грущу,
Горит лампада тусклая,
Слова к мелодии ищу
И льется песня русская.

Когда душа моя болит
И боль невыносимая,
Во мне мелодия звучит
Красивая, красивая.

Мне с нею легче превозмочь
Обиды все пустячные,
И с нею ночь, уже не ночь,
Лишь сумерки вчерашние.

Я вновь спешу в родимый край,
Как к милой на свидание,
Меня встречает птичий грай
И утро, утро раннее.

В лесную даль, за огород
Бежит тропинка узкая,
Во мне мелодия живет
Моя родная, русская.

* * *

В. Н.

Вот и вышел намеченный срок,
Приумолкли походные трубы.
С этой женщиной пить бы медок,
Целовать ее сладкие губы.

С этой женщиной век вековать,
Только что мне от века осталось?
Где моя молодецкая статья
И куда моя юность умчалась?

Исходил я немало дорог,
Верил в силу свою и отвагу...
С этой женщиной пить бы медок,
А не горькую, горькую влагу.

Протекли мои годы в песок,
Слишком призрачны были победы.
С этой женщиной пить бы медок
И хмелеть от вечерней беседы.

В этом мире неясных тревог
Я молю всемогущего Бога —
С этой женщиной пить бы медок
До того, до последнего срока.

* * *

Сменяется день на закат,
В рубаше малиновой вечер.
Плывет над землей листопад
И листья щебечут: «До встречи».

До той недалекой поры,
Когда распускается верба
И радужный смех детворы
Взлетает до синего неба...

Рисую осенний пейзаж —
Прекрасный кусочек природы.
И женская прихоть и блажь —
Всего лишь измена погоды.

Сколько потеряно,
Сколько не найдено.
Жил неуверенно —
Счастье украдено.

Времечко сдвинуто
Ветрами зимними,
Душенька вымыта
Белыми ливнями.

Что же осталось:
Дорога нездешняя,
Сердца усталость,
Да грусть безутешная.

Жил бы уверенно,
Зная доподлинно —
Что не потеряны
Совесь и Родина.

Ниточка тонкая —
Дума заветная.
Жизнь моя горькая,
Жизнь моя светлая.

Утро по полю
Дымкою стелется,
В лучшую долю
Трудно, но верится.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Все сильнее, сильнее
Белый снег валит.
К вечеру яснее
Голова болит.

К вечеру сильнее,
Как ни берегись!
Глупая затея —
Эта наша жизнь.

Все чужие боли,
И свои к тому ж,
По господней воле —
Я поэт и муж.

По господней воле
Нужен там и тут,
Во широком поле
Чьи-то кони ржут.

Во широком поле
Разгулялся зверь,
По своей-то воле...
Кто готов теперь?

За тебя сразиться,
Пресвятая Русь!
На чело ложится
Мировая грусть.

МОЛЬБА

Храни тебя мой бог,
Меня — твоя богиня.
Где движется песок,
Там вечная пустыня.

Где тысячи дорог,
Невидимые взору,
Там движется песок
Не под гору, а в гору.

Моя судьба, мой рок,
Мираж, с которым спорю.
Там движется песок
К сиреневому морю.

Там движется песок,
Как будто кровь под кожей...
Храни тебя мой бог,
Да и богиня тоже.

ЛИРИКА

Я в той поре, когда слепая мудрость
С прозреньем юным на одних весах,
Моих одежд изысканная скудость
И грусть необъяснимая в словах.

Я в той поре, когда мечтают скупю,
Не пряча, не смущаясь седины,
Я в той поре, когда сердиться глупо
На нелюбовь с любимой стороны.

Я в той поре, когда все муки ада
Мне не страшны, я их познал уже,
Когда вкусил я спелость винограда
И от того так благостно в душе.

Я в той поре, когда бунтует разум,
И не сдержаться, не унять его...

(Я в той поре, когда все нужно сразу,)
А по частям не надо ничего.

* * *

Дороги, долгие дороги —
У каждого своя стезя,
Разлуки, горести, тревоги —
Как будто бы без них нельзя.

Две колеи по бездорожью,
Да эхо гулкое в ночи,
Меня пронизывает дрожью
Мерцанье гаснувшей свечи.

Скользит огонь неудержимо
И тает, тает вдалеке...
И свет любви нерасторжимой
На этом тонком фитильке.

И след любви необъяснимой
Во тьме отыщется... И вновь
К душе измученной, ранимой,
Как Божий дар, придет Любовь.

* * *

Глаза в глаза, застыли в ожидании,
Молчит мой друг и я молчу в ответ.
Так много слов спрессовано в молчанье.
Прорвись оно — оглохнет белый свет.

Глаза в глаза, молчим, не все же сразу,
По одному нам надо говорить.
И тишиной наполненную вазу
Боюсь случайно на пол обронить.

АЛЕША

Он все ходит и ходит по кругу,
В этом круге его благодать.
Он из круга протянет мне руку
И шажками по кругу опять.

Этот путь, предначертанный свыше,
Он безропотно, видно, пройдет,
Он слова мои вряд ли услышит,
А услышав, навряд ли поймет.

Он все ходит по кругу и ходит,
Тихо, тихо — не слышно шагов,
И из круга его не выводит
Даже время таинственных снов.

Он во времени будущем где-то,
Или в прошлом, поди разберись.
Он как капелька белого Света,
А вокруг его мрачная жизнь.

* * *

Изнутри лицо мое юное,
Изнутри оно — с ликом Ангела,
А снаружи жизнь неподкупная
В кровь лицо мое исцарапала.

А снаружи бури несметные
По лицу прошлись, не погладили.
Вроде были дни неприметные,
Да приметы все же оставили.

Не водился с плутами да трусами,
Жил да был без стенаний и робости —
Оттого мои губы покусаны
И морщины на лбу, будто пропасти.

В январе — морозы крещенские,
А в июле — жара непристойная.
Окружали заботы вселенские,
Жизнь была не сказать чтоб раздольная.

Выручала душа молодецкая,
Не чурался словечка заветного,
Изнутри лицо мое детское,
А снаружи — Кащея Бессмертного.

РУССКИЙ МОТИВ

Белая, белая дымка,
Воздух морозный горчит,
Утром — туманно и зыбко,
Грустная песня звучит.

С веток дымящийся иней
Медленно падает вниз,
В этой печальной картине
Русская видится жизнь.

Нету на свете чудесней,
Спящих под пологом нив —
В тихой, задумчивой песне
Слышится русский мотив.

Тащит лошадка понуро
Скрип одиноких саней
Грустно. Но это с природы
Родины милой моей.

Зимняя стынет дорога,
Ниточки — две колеи.
Вера дана нам от Бога,
Верность — от русской земли!

* * *

Отремонтировали дом,
Вновь поселились в доме том —
Ребячий смех и женский плач,
Сверчок-зануда, хоть скрипач,
Два лебедя, ковер, река,
Да пьяный голос мужика...
Отремонтировали дом —
Но все как прежде в доме том.

* * *

Вырыл колодец глубокий,
Хлебное поле полил,
Избу срубил у дороги,
Песню об этом сложил.
Вышел в открытое поле,
Долго в раздумьи бродил,
Выкрикнул: «Вольному — воля»
И... в кабалу угодил.

* * *

Шампанское куплю и шоколад,
Возьму улыбку в цирке напрокат,
Приду к тебе, шампанское на стол —
Пора кончать бессмысленный раскол.

Раскол в стране и кавардак в дому,
Давай тебя я лучше обниму,
У камелька, обнявшись, посидим,
Любовь — огонь, все остальное — дым.

* * *

Улягутся страсти-мордасти,
Прижмусь я легонько к плечу —
В твоей я, любимая, власти
И власть отбирать не хочу.

Хочу я лишь самую малость,
Печальной лирой звеня —
Дай Бог, чтоб у власти осталось
Немного любви для меня...

* * *

Какая красная рябина,
Какие злые холода —
Вполне сибирская картина,
Зима стучится в города.

Притихли улицы и парки,
Морозный воздух режет дым,
А мне тепло в объятьях жарких —
Я поздней осенью любим.

* * *

Уезжаю с ночного перрона,
Улетаю в продрогшую ночь.
Через два или три перегона
Боль-обида отцепится прочь.

Через два или три перегона
Что-то вдруг повернется в судьбе —
Проводница седьмого вагона
Мне постельку постелит в купе.

Провалюсь и забудусь надолго
С мыслью доброй о прожитом дне,
Будет верхняя жесткая полка
Мне периной казаться во сне.

Будет женщина долго мне сниться,
И под стук монотонных колес
Промелькнут позабытые лица,
За спиною обрушится мост.

Проводница седьмого вагона
Мне чужую судьбу не пророчь...
Уезжаю с ночного перрона,
Тихо-тихо баюкает ночь.

НИНЕ

Что глядишь ты так грустно в окошко,
Будто кто подает тебе знак?
Там за дымкой лесная сторожка
Ждет тебя, не дождется никак.

Все налажено — печь да кадушка
С родниковую чистой водой,
А устанешь — лебяжья подушка,
Да веселый слуга — домовой.

Все налажено — печь да лучина,
Что так нежно трещит над тобой,
И уходит, уходит кручина,
И тебя окружает покой.

Ночь колдует под светлым окошком,
А за лесом, на глади пруда
Порассыпаны звезды горошком —
Там твоя полыхает звезда.

ДРУГУ

Выпьем немного вина,
Выпьем, дружище, немного,
Что-то опять не до сна —
В сердце немая тревога.

Что-то случилось, мой друг,
Будто призвали к ответу,
(Выпало счастье из рук)
И покатило по свету...

Яблоко «белый налив»,
Зернышко, словно сердечко —
Что ж мы, вина пригубив,
Не проронили словечка.

* * *

Вечереет, гляжу на закат
И для грусти не вижу причины,
Тихо-тихо волнуется сад,
Утро дремлет на ветках рябины.

В сонных листьях колышется свет.
Будто вечность, мгновение длится,
Через сотни и тысячи лет
Этот свет будет так же струиться.

Будет так же звенеть листопад
И тропинка шуршать под ногами...
Догорает осенний закат —
День и ночь, свет и тьма между нами.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не было женщины первой,
Дай хоть последнюю, Боже!
Пусть она будет неверной,
Но на святую похожа.

Пусть она будет такою,
Что ни пером и ни строчкой...
Звон-перезвон под дугую,
Брови дугой под платочком.

В путь по дороге старинной,
Камнем бульжным мощенной,
Пусть она будет любимой,
Пусть она будет прощенной.

Пусть она будет, и... точка.
Танец сыграйте нам парный,
Губы, как два лепесточка,
Личико — свет лучезарный.

Грешная или святая
В мир мой войди одинокий...
Господи! Снова светает —
Путь мой далекий, далекий...

ЭННА ***

Эта женщина моя,
Эта женщина чужая,
За далекие моря
Я сегодня уезжаю.

Нет начала, нет конца —
В середине кто-то скажет,
Эта женщина с крыльца
Мне рукою вслед помашет.

Те далекие края,
Для меня кусочек рая,
Эта женщина моя
И немножечко чужая.

Этой женщине одной
Предначертано судьбою
Быть со мной и не со мной,
Быть собой и не собою.

Эта женщина одна
И печаль моя, и радость.
Чаша горького вина
В этой жизни мне досталась.

Пью, но полнятся края,
Пью и пью, не понимая...
Эта женщина моя,
Эта женщина чужая.

* * *

То ли осень изменчива,
То ли старый каприз —
Моя милая женщина,
Не сердись, не сердись.

Моя милая женщина,
Приголубь, приласкай,
Ведь любовь — штука вечная —
Понимай, принимай.

Не словами колючими,
Но словами добра...
Осень серыми тучами
Небо застит с утра.

Над полями, над речками,
Да над миром живым
Осень желтыми свечками
Тянет ниточку-дым.

.

Ты со мною повенчана,
В кольцах свадебных — медь.
Моя милая женщина,
Нам гореть и гореть.

Поцелуй твой словечками
С губ нечаяно сорву...
Осень желтыми свечками
Поджигает листву.

РАЗМОЛВКА

Любимая, зажги свечу,
Нелегко путь обратно.
Вернусь, присяду, помолчу —
Ведь все без слов понятно.

Простую истину толочь,
Немного в этом смысла,
В календаре то день, то ночь
И... числа, числа, числа.

Дрожит огонь, дрожит свеча
Бегут по стенам титры.
Сегодня, милая, ничья —
Оставим наши игры.

Оставим игры на потом,
Успеем в роли вжиться!..
Уже светает за окном —
Пора и спать ложиться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО МУЖА

Ты на мне поставишь крест,
Скажешь: «Бог тебе подмога».
Я уйду из этих мест,
Слава Богу, есть дорога.
Слава Богу, дотемна
Доберусь до той деревни,
Где красавица жена
Распахнет мне настежь двери,
Запах вьющихся волос:
«Где ты был так долго, милый?..»
И на следующий вопрос
У нее не хватит силы.
На руках внесу в наш дом,
Где по-мужнему велению
Все исполнится потом,
Будет грешному прощенье...
Сердце ласково стучит,
Боль-обида затихает...
Только слышно, как в ночи
Дом бревенчатый вздыхает.

* * *

Осенняя трава —
Цветов увядших сад.
Все новые слова
По-старому звучат.

Ревнуй тут, не ревнуй —
Забыты стыд и страх.
Осенний поцелуй,
Как сахар на губах.

Как сладкое вино,
Что так легко пьянит.
А горький сок давно,
Давным-давно испит.

И понимать теперь
Мне больно, милый друг —
Бессмысленность потерь,
Осмысленность разлук.

Осенних дум пора —
С судьбой наедине.
Как долго до утра,
Как тихо в тишине.

* * *

Мне с тобой наедине
Погутарить хочется,
Будто черт сидит во мне
И наружу просится.

Ты словами не крути —
Все вокруг, да около,
У меня вулкан в груди,
Ишь, в груди заохало.

Ах любовь, хмельна любовь!
Спицы, нитки, кружева...
Разогнала мою кровь
Женщина замужняя.

Растревожена душа,
Сердце — растревожено.
До чего ж ты хороша,
Лизавета Трошина!

* * *

Женщины, любимые, простите,
Тяжко мне на этом берегу,
Из сетей меня вы отпустите —
Дайте, дайте волю мужику.

Отпустите, долго не грустите,
Грусть, как птица, выпорхнет в окно.
Женщины, любимые, простите!
Я ведь вас простил уже давно.

Женщины, любимые, простите,
Я грехи на воле отмолю...
Что вам, трудно, что ли? Отпустите
Душу покаянную мою.

Ей гулять, резвиться на просторе
Слишком мало в юности пришлось.
Сети, нети, в них — любовь и горе,
Все смешалось, все переплелось...

Вновь целуя трепетную руку,
Я не знаю, что произойдет.
За любовь, за встречу, за разлуку
Вы меня простите наперед...

* * *

Я выпил море, или два,
Припомнить трудно —
Болит с похмелья голова, —
Где ночь, где утро?

Где тайный ход на небеса,
Где даром зелье?
Гляжу в лукавые глаза,
Как в подземелье.

Дробятся буквами слова
И мысли дробью.
Клонится к свету голова,
Тень к изголовью.

Крадется белая луна
По раме гнутой,
Как много выпито вина
И боли лютой...

Вновь плещет море-океан
О берег людный,
По кругу носится стакан —
Бесенок блудный...

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Все кружит белая метель
Который день, который день...
Который день над дымкой рек
Витают прошлогодний снег.
Метет метель или пурга —
Избушка, печь, да кочерга.
В печи огонь, едва живой
Стучится путник на постой,
В окне огарочек свечи,
Как искра божия в ночи,
Как зябкий образ бытия...
И в этом мире где-то я.
И по земле метет, метет,
Который день, который год...

* * *

Было тогда все, как помнится, проще —
Мы целовались в березовой роще,
Мы целовались в укромном местечке...
Звуки свивались в тугие колечки.
Сколько воды с той поры убежало,
Как бы хотелось начать все сначала.
Первые встречи и первые слезы,
Первые ливни и первые грозы,
Машет крылом перелетная птица,
Будет еще это долго мне сниться,
Сердцу услада и сердцу утеха —
Первых свиданий далекое эхо.

ЗИМНИЙ РОМАНС

Личико круглое, щечки румяные,
Кто это в гости ко мне?
Дни мои смутные, ночи обманные.
Что-то приснилось во сне.

Время пристыло ледком у парома,
Холодом веет с небес,
Спит до весеннего первого грома
Снегом укутанный лес.

В зимней сторожке душе одиноко,
Путник чуть виден вдали...
Светлая, снежная снится дорога
Где-то у края земли.

Личико круглое, щёчки румяные,
Кто это в гости спешит?..
Дни мои светлые, ночи желанные —
Ветер в окошко стучит.

В ПОЕЗДЕ

Словно шарики крутятся
Озорные слова,
В белой кофте попутчица
Отвечает едва...

Я гляжу на попутчицу,
Путь далекий лежит,
Может, что-то получится,
Пока поезд бежит.

Время катится, катится,
Рельсы гулко звучат.
Не пришлось бы покаяться —
Вон их сколько — девчат!

Все такие красавицы —
«Что ж ты, парень! Смелей!».
Та и эта мне нравится,
Но для сердца милей

В белой кофте попутчица,
Что напротив сидит.
Чую, с нею мне мучиться
Целый век предстоит.

* * *

Давайте целоваться,
Пока горит звезда.
Как страшно расставаться
Надолго, навсегда.

Как страшно, Боже правый!
Вдруг, потеряв покой,
Покинуть берег правый
И не найти другой.

Нечаянно сорваться
В бурлящий водопад —
Давайте целоваться,
Пока горит закат.

Пока судьба и воля
Меня от бед хранит,
Пока земная доля
Меня не тяготит,

Пока еще я с Вами,
Пока я Вас молю —
Словами и губами:
Люблю, люблю, люблю...

Давайте целоваться
У моря на ветру —
И жить, и удивляться
Друг другу поутру.

* * *

Гуляют вьюги, вновь зима
Сошла, наверное, с ума —

Стучится посохом в окно,
Горчит крепленое вино.

За перекошенным столом
Сижусь один и пуст мой дом,

И пусто, пусто во дворе,
Но есть вино еще в ведре...

Допью, хоть горькое оно,
И настежь распахну окно...

* * *

Не знаю, не знаю, не знаю,
Хоть знаю так много уже...
Тебя от груди отнимаю
И что остается в душе?

И что остается снаружи?
Вокруг пустота, пустота...
И бродят прозрачные души,
И боль их ясна и чиста.

Качается тополь ветвистый
И движется, движется тень,
Летят перелетные листья,
То в ночь опускаясь, то в день.

Не знаю, когда возвращаться
Нам снова сюда суждено,
Но время торопит прощаться,
И выбора нам не дано.

ШУТОЧНОЕ

Ты целуешь некрепко,
А ведь дело к вечеру —
Где, скажи, моя кепка,
Мне здесь делать нечего.

У дверей распрощаюсь,
Разъерошу бороду,
И пройдуся, прогуляюсь
По селу — по городу,

По широкой мостовой,
Да по узкой улочке,
Я ведь парень холостой —
«Шуры-муры, Шурочки».

Окунуть в зеленый май
С головой и кепкою...
Ты меня не отпускай —
Ставь наливку крепкую.

Двери накрепко закрой,
Шутки, полушуточки,
Сядем рядышком с тобой
У печи-печурочки.

Разомлею у огня,
У огня, да... около,
Ты целуй, целуй меня,
Удалого сокола...

* * *

Где чувства старые, где новь,
Живу не ведая —
Моя последняя любовь,
Как будто первая.

Где чувств губительный обвал,
Не знаю, милая,
Но свой последний перевал
Еще осилю я.

Хвалу Всевышнему воздам,
Замру над пропастью,
К твоим нетронутым губам
Приникну с робостью.

И снова лето: день за днем
Покатит в прошлое —
Гори любовь моя огнем,
Гори киношная...

За летом красным будет вновь
Пора осенняя —
Моя последняя любовь,
Моя последняя.

ВЕЧЕРНЯЯ ДУМА

Вот и роща поредела,
Просветлела даль и высь —
Время сжато до предела,
До предела сжата жизнь.

Незаметными проходят
Год за годом, день за днем,
Вот и вечер на исходе
И — «гори оно огнем» :

Время глупостей кромешных,
Время выдумок пустых,
На земле так много грешных,
Нету места для святых.

В темном небе месяц светит,
Слышен шелест камыша,
И во сне о счастье бредит,
Бредит русская Душа.

Сказала, что вышла на миг,
Сто лет с той поры пролетело...
Исчез под водой Материк,
И память, как платье, истлела.

Сказала: вернусь, подожди,
Куплю только в булочной хлеба, —
Давно испарились дожди,
От зноя потрескалось Небо.

Остался лишь в памяти лик,
Живу, новый день ожидая...
То солнце проглянет на миг,
То капля падет дождевая.

ЖИВУ, И РАДУЮСЬ,
И ПЛАЧУ...

* * *

Живу, и радуюсь, и плачу,
Уставший от земных потерь,
Еще надеюсь на удачу,
Что стала редкостью теперь.

Чужая ноша давит плечи
И под ногами гнется лед,
А жизнь идет: то чет, то нечет,
Короче, черт не разберет —

В каком году, в каком столетье
Я прозябаю на ветру.
И так темно на белом свете,
И неуютно так в миру,

Где бесконечными ночами
Я умираю и живу —
То в бездну падаю очами,
То взгляд бросаю в синеву...

ДОМА

Снова войду в эту низкую дверь,
Звякнет щеколда, запрыгают руки,
Будто и не было горьких потерь,
Будто и не было долгой разлуки.

Будто бы не было долгой зимы,
Много пришлось мне скитаться.
Бог уберег от тюрьмы. От сумы
Так и не смог отвязаться...

ПЕРЕД БИТВОЙ

Я вышел сегодня из дома
Часов то ли в пять, то ли в шесть —
Морозно дымилась солома,
Кустарников дыбилась шерсть.

Была, видно, поздняя осень,
А впрочем, так виделось мне.
Часов может семь, может восемь
Я шел по колючей стерне.

Деревьев прозрачные тени
Летели и падали ниц,
И дали в округе темнели,
Не слышалось пения птиц.

Как будто уставшее время
Сменялось на время другим...
И всадник подтягивал стремя,
И целился взглядом тугим.

Сыну Евгению

Что в мир подлунный мы несем,
Любовь ли к ближним, Божью ль милость?
Такая временность во всем,
И одуванчиков пугливость,

Стыдливость осени. Все здесь,
Все до последнего предела.
И здесь впервые «Даждь нам днесь»
Душа счастливая пропела.

Здесь легкий шелест ветерка
С холмов бледнеющих стекает.
И все таинственно пока,
Пока душа того желает.

Шагну и выйду за порог —
Там, где простор все шире, шире —
Земля рассветная и... Бог!
И все сначала в этом мире.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слова поставь хоть так, хоть сяк —
Все сущее от Бога!
И если твой запас иссяк,
То помолчи немного.

Дождись, дождинками с небес
Вновь заблестит дорога...
И оживет притихший лес —
Все вечное от Бога!

ИСПОВЕДЬ ПОЭТА

Ни рубля в кармане не имею
И в копилке тоже не звенит,
И живу на свете, как умею,
Как умею, как душа велит.

Как душа родименькая просит,
А другая, близкая, корит:
«Где тебя по белу свету носит,
Чем детей ты думаешь кормить?».

Ничего я против не имею,
Козырнуть бы, да вот нечем крыть,
Видно жить на свете не умею...
Не умею, что тут говорить.

* * *

Мне не нравится эта погода.
Мокрый снег обметаю с лица.
Непокорное слово «Свобода»
Отливают всегда из свинца.

На исходе холодного лета
Вдруг закружит, завьюжит пурга...
Это горькое слово «Победа»,
Потому, что цена дорога.

Но всегда: и отныне, и присно
Нас зовет на святые дела
Это светлое слово «Отчизна»,
Потому, что любовь к ней светла.

* * *

Деньги есть — гуляем, брат, на все!
Всякое случается в судьбе.
Нынче на нейтральной полосе
Мы ничьи, мы сами по себе.

Пилим лес на скрипки и гробы —
Нет для нас других, как видно, дел...
Никуда не деться от судьбы —
С двух сторон на нас глядят в прицел.

От того ли, потому ли пьем...
Мыслей мало, но одна о том —
Если на «нейтральной» вдруг помрем,
Кто могильный набросает холм?

РУССКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

Гоню кручину прочь,
Глушу в стакане смех,
Ложится тихо ночь
На серый, серый снег,

Клонится голова
На белый, белый круг —
За грубые слова
Прости меня, мой друг.

Я утром извинюсь,
Я отряхнусь от снов,
Потом опохмелюсь
Настоем горьких слов.

Простившись, повернусь
И выйду за порог —
Там, за порогом Русь,
Там, за порогом Бог...

НИЩЕТА

Не улыбайся мне хитро
И не подмигивай глазами.
Мое пропитое нутро
Еще стыдливое местами.

Еще понятия — стыд и срам
Упорно посещают к ночи...
Еще вздымаю к небесам
Свои прокуренные очи.

Еще молю я у судьбы
В подарок нежную улыбку,
Мне б угостить вас, но увы —
В кармане мышь прогрызла дырку.

Пойдем, подруга-нищета,
И дальше в поисках позора,
Кому предъявим мы счета
Во дни народного разора?

* * *

Спит спокойно гордый внук славян,
Родину отдав на поруганье,
Так легко поверивший в обман
И обрекший душу на скитанье.

Спит спокойно, двери затворил,
Не страдать, коль с бедами не знаясь,
Крепко спят в домах богатыри,
Не пора ли, братья, просыпаться!

Много здесь трехглавых развелось,
Норовят огнем, мечом, обманом...
Развелось, по свету разбрелось,
Нет ни в чем отказу басурманам.

Что ж ты терпишь, гордый внук славян,
В твоих жилах кровь, а не водица —
Над полями стелется туман
И сквозь слезы проступают Лица.

«Не дай мне Бог, сойти с ума»

А.С. Пушкин

«...Куда влечет нас рок событий»

С.А. Есенин

Все те же улицы, дома,
Но бродят призрачные тени —
Немало нас сошло с ума
В эпоху страшных потрясений.

Немало выплакано слез,
И крови пролито напрасно.
Вновь на кресте распят Христос,
И вновь душе скорбящей страшно.

Куда течет людской поток,
В одно Лицо все слились лица,
А мне бы воздуха глоток
И от толпы освободиться.

В загуле бешеном зима,
И просят милостыню дети...
Не дай нам Бог, сойти с ума
На стыке двух тысячелетий.

БОЖЬЯ ВОЛЯ

То свобода, то темница,
То дорога, то тропа,
То божественные лица,
То безликая толпа.

То заснеженное поле,
То тумана пелена,
И над всем над этим — Воля,
Воля властвует одна.

* * *

Взглядами встретились и потерялись,
И растворились в толпе. —
Взглядами будто навек повенчались
И... изменили судьбе.

И бесконечными позже, ночами,
Дверь открывая на стук,
Взглядом людей незнакомых встречали
И ожидали — а вдруг...

* * *

С тобой в разладе — день не день,
И ночь — бессонница сплошная.
Фуражка, что ли, набекрень,
Иль голова моя шальная.

Поди, попробуй разберись,
Что за день тут накуролесил,
И что за штука эта жизнь —
То я угрюм, то снова весел.

С собой в разладе — не понять,
Куда идти, к чему стремиться,
То хочется весь мир обнять,
То вдрабадан с тоски напиться.

Живу, не ведая времен,
Не зная, где тот миг последний,
А на земле то явь, то сон,
И дождик, дождик сыплет летний.

1951 ГОД

(Болею корью)

Мама, мама! Дым морозный,
Скрип болезненный саней...
Погоняет дядька грозный
Серых в яблоках коней.

Роцца белая, бараки,
Ночь холодная, темнó,
Брешут жалобно собаки —
Беспризорные должно...

Я в тулупе, будто птенчик, —
Жарко, жарко — Бог ты мой,
Тихо тренькает бубенчик
Над моею головой.

Я болею корью жгучей
И меня к врачам везут.
И за нами злые тучи,
Тучи по небу плывут...

Двухэтажная больница,
Деревянное крыльцо —
Чьи-то ласковые лица,
Мама слезное лицо.

АВГУСТ

От счастья и от горя
Легко сойти с ума,
Ах, Боря, милый Боря, —
Что, тяжела сума?

И то тебе, и это
До донышка испить,
И нет белее света,
Но все темнее жить.

И боль, что давит плечи,
Пытаюсь превозмочь —
Все легковесней вечер,
И все весомей ночь.

Все зримей, зримей осень,
Все злей глоток вина,
А что люблю вас очень
В том не моя вина,

Что лето на исходе,
Что наяву, во сне
Душа по свету бродит
И бредит о весне.

* * *

Я снова загнан в угол,
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.

Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.

Но мы любовью жили,
Молитвою Творца —
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.

* * *

Кому звездная дорога,
Кому пыльная стезя —
Я прошу любви у Бога,
Без любви никак нельзя.

Кому пыльная дорога,
Кому млечная тропа —
Я прошу любви для Бога,
Но бесчинствует толпа.

* * *

Болит душа, мне скажут — ну и что ж,
Не ты один страдаешь в этом мире.
А я, похоже, не на всех похож,
Хоть и живу в общественной квартире.

Высотный дом с антенной наверху,
В пучок железный собирает волны,
Живу как все: не лучше и не ху...
И помню наизусть все телефоны,

Друзей своих и недругов друзей,
А главное — вахтерши бабы Шуры,
По четвергам я захожу в музей,
Где восковые светятся фигуры.

Гляжу в их лица, многих узнаю,
Иных же знать, поверьте, не желаю —
И все-таки часами здесь стою,
Душа болит, о чем болит, не знаю...

* * *

Вот и состарилась улочка тихая,
Где мое детство прошло.
Часики летние тикали, тикали —
Время травой поросло.

В сонном бурьяне чуть видима улочка —
Только репей да осот.
В доме напротив старушечка-дурочка
В детстве счастливом живет.

Там на краю, у крутого обрыва,
Яблонька клонится вниз...
Яблочки бело-седого налива
Диким вином налились.

Что же, друзья, расплескаем по кружечкам
Памяти нашей вино...
Вот и состарилась тихая улочка —
Тихо в округе давно.

ОСЕННЕЕ

Потоки слов размытых объявлений,
Кусочки слов оборванных афиш,
С утра до ночи нудный дождь осенний
Стучит, стучит по колокольням крыш.

Не разобрать о чем трезвонят капли,
Летающие с небесной высоты,
Но, говорят, что капли точат камни
И подмывают дамбы и мосты.

Осенний дождь стучится в перепонки,
Как будто пушки ядрами палят.
Плывут дома, киоски, остановки,
И летние автобусы стоят.

Размыто время: ни тепла, ни стужи.
Всяк норовит свой обиходить кров...
Лишь воробей, нахохлившись у лужи,
Следит за тенью серых облаков.

РОДИТЕЛЯМ

Жизнь все-таки прекрасна,
Когда сожмется тень —
Пронзительно и ясно
Вдруг распахнется день.

И высветится поле,
И высветлится высь...
На то есть Божья воля,
На то есть Ваша жизнь.

От белых, белых пашен,
От зимних вечеров —
Светлеют души Ваши
И освещают кров.

МАРТ

Время таянья снегов,
Время первого цветенья,
Юных отпрысков сомненья
И раздумья стариков.

Время явных перемен
В жизни, в мыслях и в природе,
И, мечтая о свободе,
Попадает сердце в плен.

Время слов, как воздух, легких,
Время чудных светлых снов,
Поцелуев долгих, долгих...
До осенних холодов.

* * *

Однажды выйду из ворот
И побреду по улице,
Какой вокруг меня народ,
Что ни лицо — то умница,

Что ни лицо — то светлый лик,
О, милые попутчики!
Запечатлю я этот миг —
И лица, и тулупчики,

И окон зимних зеркала,
Что отражают солнышко,
И вновь «печаль моя светла»,
И выпита до донышка.

* * *

Я печку затоплю,
Все холоднее ночи,
Я ночи не люблю —
Я одинок в них очень.

Лучину запалю,
Своей укурюсь тенью,
Я утро не люблю —
В нем горькое прозренье.

И днем я нелюдим,
В душе моей нет лада —
Любимая с другим,
А мне другой не надо.

* * *

Я огонь в печи раздую,
Угольки разворошу,
Я на пряник наколдую
Я на чай наворожу.

Все сомненья уничтожит
Приворотная еда —
Стану юношей пригожим,
Стану парнем хоть куда.

Этим «зельем» сладким, спелым
Напою потом тебя,
Чтоб жила на свете белом
Одного меня любя...

Жаром пышет чудо-печка,
Гулко ухает труба,
Пойду выйду на крылечко,
Здравствуй, девица-судьба!

* * *

В этот дождь окунись с головою,
В этот день, в этот дождь проливной
Я спешу на свиданье с тобою,
Ну а ты на свиданье со мной.

Где-то в парке дорожки сойдутся,
Как две линии в центре креста,
И уже нам назад не вернуться
Никогда, никогда, никогда.

Восходящее облако света
Голубым засияет огнем,
В ожидании вечного Лета
Мы в холодную зиму войдем.

Передюжим и холод, и стужу,
Осенья дорогу крестом,
Я свою уцелевшую душу
Поселю в светлом доме твоём.

ЮНОЕ ФОТО ЖЕНЫ

Что ж ты глядишь виновато

Издалека, далека...

Там за чугунной оградой

Светлая плещет река.

Там от родного порога

Тянется ниточка-след.

Юность твоя, недотрога,

Белый, без крапинок, свет...

Там перед взором горящим

Замерло время на миг,

Желтый обласканный ящик

Выдал на фото твой лик.

Что ж ты весне той не рада,

Вспомни те теплые дни...

И не гляди виновато

В хмурые очи мои.

* * *

Начищу до блеска ботинки
И в город к тебе заверну...
Из глаз твоих выпью слезинки —
Хоть как-то загладить вину

За то, что являюсь так редко
Под светлые очи твои.
Истерлась в кармане монетка —
Так долго тебе не звонил.

Приду, поднимусь на крылечко
И, в медные трубы трубя,
Вдруг напрочь забуду словечко,
Что долго берег для тебя.

Поймешь ли, простишь ли, не знаю,
Но так уж сложились дела...
Я здесь может сердцем оттаю,
Немного мне надо тепла.

Я путник, бродяга, отшельник,
И это мне ставят в вину.
Подайте, сударыня, веник —
Я с ног своих пыль отряхну.

* * *

Рано утром приеду к тебе,
Вспыхнет свет в твоей маленькой спальне,
Застучат в водосточной трубе
Твои слезы — дождиночки, градинки.

Успокоюсь, согреюсь чуть-чуть,
Поцелуями губы измучаю...
Дней ушедших назад не вернуть —
Улетели с дождливыми тучами.

Изменить надо что-то в судьбе,
Знать бы только, когда это сбудется.
Дождь гремит в водосточной трубе
И плывет, расплывается улица.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ГЛЕБУ

* * *

Солнышко, свет мой в окошке,
Что ты печален и хмур,
В краске измазал ладошки,
Щеки — цветной абажур.

Что ты малюешь усердно,
Кисти макая в «гуашь»...
Цвет подбираешь, наверно,
Летний рисуя пейзаж.

Дом с мезонином и сени —
Бабушка, дед на крыльце...
День такой теплый и летний,
Радость, как дождь, на лице.

СЫНУ

На дворе такое время —
Холодно и ветрено.

Что ж ты, маковое семя,
Прорастаешь медленно.

Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко,
Вырастай, сынок, скорее —
Маковое зернышко.

Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый,
От ветров тебя укрою,
Стебелек мой, маковый.

Вырастай, пока я в силе
И не гнет усталость,
Вырастай, сынок мой милый,
Матушке на радость!

ГЛЕБКА

Белый свет, как белый снег,
Мне глаза до боли режет,
Белый, белый человек
На руках ребенка нежит...

Бесконечен этот сон —
Белый, белый одуванчик,
Он из воздуха рожден —
Этот белый звездный мальчик.

Сыплет, сыплет белый снег,
На речной ложась песочек.
Он — дитя двух звездных рек —
Белокурый наш сыночек.

* * *

На мне рубаха новая —
Вновь «маде ин ПАРИЖ».
Ну что же ты, бедовая,
Глазеешь, но молчишь?

Притворщица залетная,
Ты кто такая есть?
На мне фуражка модная—
Полосок ровно шесть.

Во мне душа смиренная,
Как камушек на дне.
И ношная, и денная
Печаль моя во мне.

* * *

Прихворнула душа,
Думу думает,
А вокруг мельтешат
Люди глупые.

А вокруг суета
Несусветная,
Да еще маета —
Бедным, бедная.

На весеннем лугу
Ветер носится,
Поплясать бы в кругу,
Да не хочется.

Дурень слово в дугу
Гнет с ухмылкой,
Поплясать бы в кругу
С милой милкою...

Хватит дождичку лить
Прямо в темечко.
С нелюбимой грешить
Нету времечка.

От любимой бегу,
Больно строжится...
На крутом берегу
Камни крошатся.

СТАТУЭТКЕ, СТОЯЩЕЙ НА СТОЛЕ

О чем ты думаешь, болван?
Ну-ну, не стоит так сердиться,
Пришитый к заднице карман
От частых лазаний лоснится.

Записка там и медный грош,
Да пара пуговиц блестящих...
Ах, до чего же ты хорош!
Средь нас, болванов настоящих.

* * *

Улеглась, устоялась погода
И в душе стало ясно, легко —
Не найти к этой женщине брода,
Видно, в прошлое нету его.

Утекли, словно вешние воды,
Безрассудные годы мои,
Были теплые дни у природы,
Были теплые губы твои.

Не забыл я, все помню доселе —
Как горела цветами трава,
Ах, какие вы песни мне пели,
Ах, какие в них были слова!

Улеглась, устоялась погода,
Лишь волнуется память-река...
Не найти в ней обратного брода,
Слились с небом ее берега...

* * *

Не снись, не надо. Поутру
Мне так бывает одиноко,
Что кажется — сейчас умру,
Без промедления, до срока.

Не снись, не надо. Я пойму,
Что в этом мире так ведется —
Что недоступно одному,
Другому с легкостью дается.

Не снись, не надо. Наяву
Ты промелькнешь весенней птицей,
А мне, покуда я живу, —
Все будет та, другая сниться.

Не снись, не надо. Бог с тобой,
Не береги больную память,
Все, что отмеряно судьбой,
Не изменить и не поправить.

Не снись, забудь меня, забудь
Еще до встречи, до обмана —
Я твой благословляю путь...
Но Боже мой! Как ты желанна...

Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось как манна с небес
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.

Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту...
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.

* * *

Старые дровни скрипят от мороза,
Стынут в логах тальники...
Вот и пришла ко мне горькая проза
И приумолкли стихи.

Время раздумий нелегких настало,
Хлещет листва по лицу,
Тени раkitника и краснотала
Тают в предзимнем лесу.

Жизнь переходит в иное понятие —
Время смывать миражи,
Время, когда проступает сквозь платье
Свет обнаженной души.

Это и есть то мгновенье земное,
Где у незримой черты —
Небо палящее и ледяное,
И никакой суеты.

* * *

От щемящей тоски замираю,
Будто лист трепещу на ветру.
Каждый вечер, ложась, умираю
И рождаюсь опять поутру.

Ночь без сна — репетиция смерти,
Где бы не было: в поле, в дому...
Вы гордыню слепую умерьте
И смиренно молитесь Ему!

Мысли дерзкие мыслью стираю,
Смерть красна, говорят, на миру.
Каждый вечер, ложась, замираю,
Просыпаясь — молюсь поутру.

ПАМЯТИ ДОЧЕРИ

То ль в душе, то ли в доме сквозняк,
Ходят женщины в черных платочках,
Подоконник от влаги набряк,
Потускнели герани в горшочках.

Суета, торопливость ушла,
И ничто тишину не тревожит.
Лишь над гробом живая душа
С мертвой жизнью расстаться не может.

За окошком крепчает мороз,
Как бы мне пережить эту стужу,
Дай же Господи силы и слез,
Чтоб оплакать родимую душу.

Все неправильно в мире, не так,
Ни умом не принять, ни душою.
Над землей, под землею сквозняк —
Твердь разверзнута волей чужою.

* * *

Тихая заводь, трава да тальник,
Да серебрится водица...
Что ж ты, мужик, головою поник —
Или надумал топиться?

С берега в омут, и думы долой,
Бог, мол, простит горемыку,
Что ты мотаешь хмельной головой —
Шепот подобен твой крику.

Камень тяжелый, зачем он тебе,
Что есть вины тяжелее,
Что же случилось такое в судьбе —
Коль ты с веревкой на шее.

В речку задумчиво смотришь, браток,
Время ль настало молиться?
Тихая заводь, да берег высок —
Плачет сестрица-водица.

* * *

Видится сон, или снится мне быль —
Поле, дорога, да белый ковыль.
В дальнем селе ожидают гонца,
Только не видно дороге конца.
В небо уходит, сливается с ночью,
Сон это все, или вижу воочью?
Где же граница меж светом и тьмой,
Серая птица кружит надо мной.
Правлю коня: «Ну-ка, вынеси, друг!».
Только уходят поводья из рук,
Тихо сползаю на землю с коня,
Не дотянул до живого огня.
В поле, в степи — все едино теперь...
Скрипом исходит бездомная дверь.

НОВАЯ СКАЗКА

На лице твоём — светлый-светлый день,
На лице моём — светлых мыслей тень.

У тебя в глазах — синева-трава,
А в моих словах — лишь слова, слова.

А в моих глазах — потемнел восток,
В голубых лесах — рыщет рыжий волк.

На его спине — от царевны плащ,
Наяву, во сне — плачь, царевич, плачь!

Потерял жену — где найдешь теперь...
Чувствуя вину — ищет, рыщет зверь.

Так и не встретились с тобой,
Хоть обошел я все пределы,
Но только ветер ледяной,
Но только ветер белый, белый...

Но только вихри в небесах
И свет звезды, холодный дальний,
Да прядь седая в волосах,
Как Млечный путь моих скитаний.

АКТЕРУ В. МИРОШНИЧЕНКО

Что ж ты с надрывом поешь,
В жизни и так слишком грустно.
Душу свою разорвешь,
Только кому это нужно?

Душу изранишь свою,
Как перед Богом предстанешь,
Может случиться в Раю
В недруге друга признаешь.

Там позабудется ложь,
Дар всепрощенья познаешь...
Что ж ты надрывно поешь —
Душу мою разрываешь.

* * *

В реке свинцовая вода,
И тучи тяжелее ртути,
И за бедою вновь беда,
И лютый холод сердце студит.

Такая гиблая пора,
Во всем царит хандра и скука,
И истина, как мир, стара,
И жизнь — пресквернейшая штука.

Бежать бы мне из этих мест,
Все так вокруг осатанело,
Но не подняться — тяжкий крест
Ломает душу, давит тело.

Иного нет, видать, пути,
Как с Божьей карою смириться.
Но что-то рвется из груди
И в даль ненастную стремится...

* * *

...Со мною будет все иначе:
Разлуку смертную кляня,
Одна лишь женщина заплачет —
Одна — любимая моя.

Платок накинёт деревенский,
Босая выйдет за порог...
И будет плач ее вселенский,
И будет крик ее высок.

И будет эхо долго, долго
Лететь, цепляясь за кресты...
И до ближайшего околка,
И до светящейся звезды.

* * *

Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.

Я ли колодец не рыл,
И за работу в награду —
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.

Жадно и жарко любил
Чудную, злую, святую...
Было немеряно сил —
Вот и растратил впустую.

Вот и сложились года
В стог, где одна лишь солома...
Заплесневела вода
В старом колодце у дома.

* * *

Мы эту зиму еще передюжим,
Злые морозы в дому переждем.
Если тебе я, любимая, нужен,
Значит еще на земле поживем.

Значит еще и споем, и попляшем
Утром июльским, на росном лугу.
Сколько еще перескажем, расскажем,
Светлое слово вплетая в строку.

Значит еще в этом мире побудем,
Значит еще обиходим свой дом...
Горьких раздумий лампаду задует,
Светлых раздумий лампаду зажжем.

СОТВОРЕНИЕ

Просвистела стрела
Через двери в окно,
Светлый день рассекла —
Стало в доме темно.

Белый свет рассекла —
Стало в мире темно,
Опустилась стрела
В сине-море, на дно.

Опустилась рука,
Что пустила стрелу,
Оглянулся — Века
Проступили сквозь мглу.

Загорелась вода,
Запылала огнем...
И ночная звезда
Стала видима днем.

Еле слышимый гул
Подхватил и... в седло.
Я коня повернул —
Время вспять потекло.

Я увидел поля,
Разных гадов и птах.
И держалась Земля
На огромных китах...

ГОТОВЫ
СЛОВОМ СТАТЬ...

* * *

Проснусь внезапно среди ночи
И сон тревожный оборву,
И хорошо, а то пророчит
Он мне разлуку поутру.

Раскрою окна, свет хрустящий
Скользнет чуть слышно по стене,
И я пойму — я настоящий,
А ты — пришедшая во сне.

А ты, пришедшая Оттуда,
Обронишь тихо: «мне пора»...
Я плед накину, сон забуду.
И сам забудусь до утра.

А утром что-то вспоминая,
Вдруг осенит меня вопрос —
Откуда брошка золотая
И золотая нить волос?

Ведь мне казалось — все бесследно
Исчезло, кануло в ночи...
Кричу, но эхо безответно,
Молчу, в ответ: «молчи, молчи».

* * *

Все испытал я: и бури, и стужу,
Водку глотал, обжигаясь, как чай, —
Вот и смутил твою юную душу,
Вот и сердечко смутил невзначай.

Бросил словечко, любуясь деяньем, —
Что натворил седовласый старик?
Ведь от разлуки так долго к свиданью,
А от свиданья к разлуке — лишь миг.

Все я прошел: океаны и сушу,
Все, что отмеряно было судьбой...
Вот и смутил твою чистую душу,
В омут глубокий увлек за собой.

* * *

Забуду тебя, забуду
И имя твое, и ладонь.
И писем, нечитанных, груду
В огонь побросаю, в огонь.

От боли сожмется бумага
И искрами вспыхнут слова:
«Бродяга», «бодяга», «бедняга»,
«Ах плут» и «сорви-голова»...

Что ж, браво любимая, браво!
Прозревши, успел я прочесть —
Тебе суматошная слава,
А мне безпортошная честь.

И слов запоздалых не надо,
Крылатого вздыблю коня...
Тебе за все муки награда —
Не видеть, не слышать меня.

Мимолетность встречи,
Сладкий, сладкий миг —
Ласковые речи,
Грешный мой язык
В тишине лопочет,
Шепчет до утра...
Ласковые ночи,
Сладкая пора.
Ласковые руки,
Лживый мой язык —
Вечность до разлуки
Превращает в миг.

ВОЙНА И МИР

Пройдя сквозь игольное ушко,
Свой путь обозначил в судьбе.
Моя золотая пастушка,
Я снова вернулся к тебе.

Пройдя сквозь игольное ушко,
Тебя отыскал среди дня...
Но громко вдруг грохнула пушка —
Ты вновь потеряла меня.

Опять разбросала по свету
Солдат мировая война...
И ушка игольного нету,
Расплавил иглы она.

.

По кругу солдатская кружка
Гуляет, медалькой звеня.
Моя дорогая пастушка,
Как будешь ты жить без меня?

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В КЕМЕРОВО

Мерзнет панно на углу гастронома,
Девочка мерзнет в ажурном белье.
Жуткий мороз. Половина второго —
Дворник мечтает о скором тепле.

Только б скорее закончить работу —
Снежный завал разгрести и... домой,
Падает снег с четверга на субботу,
Пятница в этом году — выходной.

Слышится скрип одиноких ботинок,
На перекрестке поземка шуршит,
Мимо «де люксов с Европой» и «Льдинок»
Кто-то проходит в полночной тиши.

Кто-то бредет по ночным переулкам,
Видно с бессонницей дружит давно...
В этом пространстве морозном и гулком
Слышно — снежинки стучатся в окно.

Все в этом мире старо и не ново —
Крутит поземка немое кино...
Мерзнет панно на углу гастронома,
Девочка мерзнет, а нам все равно.

Видно забыли одеть по погоде
Рекламодатели, шут их возьми,
Дело закончено, дворник уходит,
Мерзлой лопатой в подъезде гремит.

* * *

Во сне я видел сон,
Он страшен был и ясен:
Среди святых икон
Сидел диавол в рясе.

Переодевшись так,
Искал себе он славы,
Но опускался мрак
На купол златоглавый.

Небесные врата
Свет тихий излучали.
Мирская суета
Все множила печали.

Гудел скорбящий люд
И в страхе копошился...
Господь сказал: «Я тут —
На миг лишь отлучился».

Перекрестился я,
На голос обернулся,
Всевышнего моля —
В сон праведный вернулся.

БЫЛЬ

По эту сторону окна
Сидит красавица одна,
А по ту сторону окна —
Лежит огромная страна.

По эту сторону окна
Вся водка выпита до дна,
А там за сумрачным окном —
Моря и реки кверху дном.

По эту сторону окна
Жена пьяна, иль не жена...
Не разобравшись, под окном
Мужик раскинулся крестом.

И гробовая тишина
По обе стороны окна...

* * *

Худо — тут, худо — тут

Из песни птицы удода

Научился жить-лукавить,
Научился петь-скрипеть,
Застеклила наледь память —
Прошлых дней не разглядеть.

Притупила свет в окошке,
В сумрак видится едва
Две кривулины-дорожки,
Колченогих два следа.

Кто-то прыгает и скачет,
То назад, а то вперед...
Во вчерашнем небе плачет
Птица вещая — удода.

* * *

Отодвинуты засовы,
Дверью скрипнул ветерок,
Будто заспанные совы
Вышли люди на порог.

Приоткрыв глаза, сказали:
«Что ты бродишь, словно псих», —
И веревкою связали,
Но оставили в живых.

Затворили снова двери —
Лет на двести спать легли...
То ли люди, то ли звери
Померещились вдали...

* * *

Если ты идешь путем окольным,
Милости у Господа проси,
Чтоб всегда со звоном колокольным
Просыпаться на святой Руси.

Я любовь свою собирал по крохам,
Думал:наберется целый туесок...
Затянуло вдруг луг чертополохом,
Пожелтел за речкой молодой лесок.

Я любовь свою растерял по крошкам,
Порассыпал речи по пустым словам,
И блуждал я взглядом по чужим окошкам,
Закрывали ставни глухо тут и там.

ДЕТСКАЯ ИГРА

Памяти друга детства

Гены Горячева

Замри, мой друг, замри
В том времени далеком...
Я проиграл пари —
Неведомо, жестоко...
С тех пор живу один,
Старею понемногу...
И для меня ты сын,
По возрасту земному.

БЫТИЕ

С тех давних и далеких дней
Прошла эпоха целая...
И я был в ней, и я был с ней —
Ей в помощь что-то делая,

И на пределе бранных сил
Помочь пытался ближнему —
Не навредил, не навредил —
Хвала за то Всевышнему!

НАЧАЛО

Еще не знали сна,
Не ведали причин,
Была Земля одна
И был Творец один.

Сходила тьма на нет,
Чуть брезжило вдали,
И растекался свет
По жилочкам Земли...

РУСЬ - 1993

Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — нету милей...
Что же ты нынче нагая и босая,
Кровь источаешь на груди камней?

Что же ты ножки свои не укутала
В травы шелковые, мягкий ковыль,
Что же ты волосы светлые спутала —
Все перепутала: сказку и быль.

Стелется по полю дымка неясная,
Прячется в травах вечерняя тишь...
Родина милая, девица красная,
Что ж ты в окошко так грустно глядишь?

Вороги скачут полями, долинами,
Молодцы русские спят на печи,
Видно, забыли, что были былинными...
И заржавели от спячки мечи.

Вышли бы в поле, померялись силою,
Снова на Русь надвигается тьма...
Родина — женщина милая, милая —
В сердце тепло, а под сердцем зима...

* * *

Жизнь моя пустынна и пуста.
Все начать бы с чистого листа,
Все начать бы с первого словца
И познать в младенчестве Творца.

Юный дух молитвой укрепить,
Чтоб душой и сердцем не кривить,
Чтобы, встав с молитвой у креста, —
Мог сказать, что жизнь была чиста.

ПРИЧАСТИЕ

В дни гонений,
вражды и мытарства
Чудный голос я слышал вдали,
Был вне времени я, вне пространства,
И летал, не касаясь земли.

Что творилось внизу подо мною,
Как там мама в разлуке жила...
Протекала весна за весною
И зима за зимою ползла.

Запредельная мысль трепетала,
Среди звездной металась пыли,
За страницей страницу листала
Книгу Жизни и книгу Любви.

Это время дробилось на части
И мгновенья метались во мгле.
Принимал я во Храме причастье,
Чтоб вовек не грешить на земле.

Чудный голос тревожил сознание,
Колокольчиком нежно звеня,
В дни гонений, любви и скитанья
Эти звуки ласкали меня.

РУССКИЙ ПЛАЧ

Тяжело, тяжело. Не поднять головы,
Чуть поднимешь, накинуться гады.
И живи так — не выше болотной травы,
Ниже можешь... могильной ограды.
Вдоль по полюшку-полю трава да трава,
От земли и до небушка сухо...
И гуляет по свету людская молва
О величии Русского Духа.
Где он нынче, в какой он живет стороне?
Помолиться б ему во спасенье...
Ведь сегодня я вновь наяву, не во сне,
Божьей матери видел знаменье...

РАЗГОВОР ЗА СТОЛОМ

Умру и никто не заметит, —
Твердил мне навязчиво дед, —
Вот солнце, голуба мой, светит,
Вот росами брызжет рассвет.

Уйду я, а что же здесь будет,
Как будет здесь все без меня?
Старуха взгрустнет и забудет,
Раз в год соберется родня.

Нальют по одной..., да по третьей,
И ну языками чесать.
Прошу тебя, голубь, ответь мне —
Зачем мы должны помирать?

«Живи дед, не мучай вопросом,
Я думаешь знаю о том...»
Зашмыгал тут старенький носом,
И щеку подпер кулаком.

ВОСПОМИНАНИЕ О 1953 ГОДЕ

Кожаная куртка,
Золоченый зуб —
Местный урка — Юрка,
Не фигура — куб.

Высотой два метра
От ушей до пят,
Сапоги из фетра
Вовсе не скрипят.

По району ходит,
Стелет слов шелка,
Кто-то не находит
В доме кошелька.

На словечко щедрый,
На гостинцы крут.
Сапоги из фетра
Мягкие, не жмут.

Стянет в лавке бурку,
Да не тот размер.
И отправят Юрку
В каменный карьер.

Через год в «Мозжухе»
Под крутой горой
От «простой» желтухи
Сгинет наш герой...

А пока по свету
Ходит не спеша,
Улыбаясь лету
Грешная душа.

Снова изменились времена —
Все меняют: судьбы, имена,
Все меняют, Бога не боясь, —
Рвут в утробе родовую связь.

РУССКОМУ МУЖИКУ

«О русская земля,
уже ты за холмом»
(«Слово о полку Игореве»)

Ты пьешь вино, вины не зная,
Грустишь о чем-то о былом...
Живешь в аду, но жаждешь рая —
Россия где-то за «бугром».
Там, за «бугром», — бугры и ямы,
Там роят пропасть нам с тобой.
И не хватает, видно, «тямы»
Нам повернуть на путь другой.
Очнись, мужик, взгляни воочью,
Россия-матушка во мгле.
И днем, и ночью, днем и ночью
Гуляют бесы по земле.
Ты пьешь вино,
Что ж, пей, но в меру,
Пей, чтоб не двинуться умом,
Не потерять отцову веру.
Россия, где ты?
За холмом?..

ДОЧЕРИ СВЕТЛАНЕ

Ты не видишь, как я старею,
Как белеет моя голова,
Да и сам я, подобно пырею —
Злак не злак, а пустая трава.

Это время состарило многих,
Отболели глаза, отцвели —
Вот уже два годочка жестоких
Без тебя в этом мире прошли.

Припадаю к иконе Скорбящей,
Подступают, как слезы, слова...
Ты осталась в той жизни вчерашней —
Моя нежная зелень-трава.

БАЛАХОНКА

Испаряется солнце в горячем ведре,
От жары просто некуда деться,
Я поставил свой дом на змеиной горе —
И живу, не пугаясь соседства.

И живу, не пугаясь шуршания стен,
И люблюсь клубящимся садом.
Все по милости Божьей — цветенье и тлен,
Миг и Вечность соседствуют рядом.

Я поставил свой дом между светом и тьмой —
В смутном облаке лица, забытые мной...

НАСТРОЕНИЕ

Опять пора унылая,
Под стать поре — мой стих...
Тепло ли тебе, милая,
В объятиях моих?

Светло ли тебе, милая,
От взгляда моего?
А жизнь кругом постылая
И... больше ничего.

Глядим в окно закатное,
И ждем с тобой зарю...
И что-то деликатное
Тебе я говорю.

* * *

Н. Рашидовой

Эта женщина Востока
Говорит и говорит,
Нескончаемым потоком
Речь, как реченька, журчит.

Я слова не разбираю,
Не моя на то вина,
Но я сердцем понимаю,
Что волнуется она.

Что в душе ее тревога,
Что в душе ее печаль.
У нее одна дорога,
У меня другая даль.

Но на миг соприкоснулись
В оглушающей тиши
И на оклик оглянулись
Две былинки, две души.

ПОСЛЕ ЗИМЫ

Вновь снега уходят понемногу
В землю, в кучевые облака...
Возвращаясь к чистому истоку,
Где минуты дольше, чем века.

Где еще потери восполнимы,
Где ручьем становится река,
Где еще мы юны и любимы
Безоглядно, ни за что пока.

Где в тумане различимы смутно
Контуры размытых берегов,
Где в лесу безлюдном — многолюдно,
От следов и отголосков слов.

«Выхожу один я на дорогу...»,
Голос вещей слышу сквозь века.
Вновь снега белеют понемногу,
Наполняя Светом облака.

ПОЭТУ

Когда исходишь ты, как свет,
Как день уходишь в сумрак ночи,
Уходишь в сон иль в тяжкий бред —
Никто будить тебя не хочет.
Когда восходишь ты, как свет,
И будишь мир строкой чудесной...
И за тобой толпою тесной
Спешат, заслышав сладкий бред.

* * *

Лают в деревне собаки,
Вновь чужаки забрели —
Не избежать, видно, драки,
Рвутся с цепей кобели.

Вот и сбылись эти слухи...
Гарью тянуло с реки...
Воют горластые суки,
Им подвывают щенки.

Не избежать, видно, крови,
Выгнуты спины дугой...
Слезы горючие, вдовьи
Скоро прольются рекой.

Пылью взметнется дорога,
Гром прогрохочет вдали...
Нерусь стоит у порога,
Рвутся с цепей кобели.

(«Нерусь» — недруги России)

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Не озлобляйте ум и сердце,
Не оскверняйте души злом.
Всегда вы в роли иждивенцев —
Пасетесь во поле чужом.

В миру безмолвного творенья
Вам громогласным не понять,
Что исихатское моление
Нам до поры велит молчать.

Молчит народ, потом как ахнет
И разметет смердящий дым...
А русский Дух, он Русью пахнет
И оттого неистребим.

И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша — русская звезда...

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Моему доброму псу «Бархану»,
которого укусил злой пес

Чтоб увидеть, чтоб услышать,
Чтобы сердцем понимать,
Я из леса утром вышел,
Стал прохожих обнимать.

Для того из леса вышел,
Чтоб людей всех возлюбить...
Мне сказали — тише, тише,
Так негоже в мире жить.

Всех нельзя любить, уж точно,
Хоть кого спроси окрест.
Ты давай-ка, парень, срочно
Возвращайся в темный лес.

Ты со светом осторожно,
Он бывает разным, свет.
Там у вас любовь возможна,
А у нас любви нет!

Не поверил я, но все же
Воротился в дом лесной.
«Что же есть любви дороже», —
Долго думал под сосной.

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Все раздраи, да драки,
Где безумству предел.
Я глазами собаки
Вдруг на мир посмотрел.

Хоть хозяин мой строгий,
С ним мне просто, легко —
Я лежу на пороге,
Охраняю его.

Он мне косточку бросит,
Он — по шерстке рукой,
Он по-доброму спросит —
Как живется, друг мой?

Я лизну ему руку —
Я услужлив, но горд.
И ему я, как другу, —
Мол, хватает забот.

Все воют народы,
В трубы трубно трубя.
Говорят — «Мол, свободы
Нет, пес, у тебя».

За меня все решают —
Как «спастись» от беды.
И меня же лишают
Конурь и еды.

* * *

Я пил вино — душа болела,
Жена белугою ревела.
Я бросил пить — жена поет,
Душа белугою ревет.

ПРИЗНАНИЕ

Я от Бога поэт,
Ты от Бога подруга...
Скажут — скромности нет,
Да! Со скромностью туго.

Мне скромнее бы стать.
Поразмыслив немного,
Должен правду сказать —
А жена все ж от Бога!

ОСЕНЬ НА УЛИЦЕ ВЕСЕННЕЙ

Мужицким взглядам потакая,
Идет улыбки не тая.
Ты чья ж красавица такая?
Я точно знаю — не моя.

Моя другая, локон — осень,
Ресницы — веточки дрожат,
И взгляд ее прелестно-точен,
Не проглядит мой дерзкий взгляд.

Глаза в глаза. Замрет округа.
И захолонит тишиной.
Моя осенняя подруга.
... Ты просто выдумана мной.

КУРАЖ

Я по городу кружу,
День мне долгим кажется.
Выпить, что ль, для куражу,
Да и покуражиться.

Кину камушек в окно,
Выйди, красна-девица...
Некрепленное вино
От волненья пенится.

Повернусь, наискосок
Дом, как лодка, кренится.
Сяду в тихий закуток —
Мысли зашевелиятся.

Чуть проклянутся слова,
Тут как тут, их курица.
То ли кругом голова,
То ль кругами улица.

Я по городу кружу,
Под ногами крошево...
Ничего не нахожу
В этом я хорошего.

РАССВЕТ

Крадется, словно тать,
И воздух рвет упругий.
Готовы словом стать,
Чуть слышимые звуки.

Готовы строчкой стать,
Те мысли, что ищу я.
Когда б, да кабы знать,
О чем молчит вещунья.

О чем молчат слова,
Готовые родиться.
Не знает голова
Куда ей приклониться.

Все знать бы наперед,
К чему тогда стремиться...
Готовы звуки в лед
Безмолвный превратиться.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт о поэте. *А. Ибрагимов* 5

Не разлюби

«И холмы, и равнины...»	8
Послевоенное	9
Заброшенный дом	10
Смерть бабки	11
Отец	12
Начало сезона	13
Батагай.....	14
Конец сезона.....	15
Накануне	17
«Хоронили в селе пастуха...»	18
«Всего-то и было две фразы...»	19
Поздняя любовь.....	20
«На тебя я глядел сквозь стекло...»	21
«Скрипел тротуар деревянный...»	22
Больничное	23
Другу поэту	24
«Опять дожди тиранят город...»	25
«Загляделся в прозрачный ручей...»	26
Колымская стена (Отрывки из поэмы)	27

Душа

«Песочные часы...»	34
«Предзимье в лесу...»	35
«Голову на плаху положу...»	36
Погорельцы.....	37
«Распутица, сумятица и слякоть...»	38
«Когда сменяются цари...»	39
«До прозренья — один только миг...»	40
Библейский мотив.....	41
Исповедь	42
«Сколько прошел дорог...»	43
Памяти сына	44
«Хороним мальчиков своих...»	45
«Мысль последнюю сердце толкнет...»	46
«Все, что от жизни возьму...»	47
«Опять несет меня волна...»	48
«Три женщины любимых, три печали...»	49
«Ходил, бродил по свету...»	50
Из цикла «Короткие встречи».....	51

В мастерской фотографа.....	53
«Не лги себе и ближнему не лги...»	54
«Светлое слово«люблю...»	55
«Все больше зимние пейзажи...»	56

Поклонись земле русской

Родова.....	58
«Я сын любви, я внук раздора...»	59
«Как цветок придорожный поникну...»	60
«Когда один в ночи грущу...»	61
«Вот и вышел намеченный срок...»	62
«Сменяется день на закат...»	63
«Сколько потеряно...»	64
Предчувствие.....	65
Мольба.....	66

Лирика

«Я в той поре, когда слепая мудрость...»	68
«Дороги, долгие дороги ...»	69
«Глаза в глаза, застыли в ожиданьи...»	70
Алеша.....	71
«Изнутри лицо мое юное...»	72
Русский мотив.....	73
«Отремонтировали дом...»	74
«Вырыл колодец глубокий...»	75
«Шампанское куплю и шоколад...»	76
«Улягутся страсти-мордасти...»	77
«Какая красная рябина...»	78
«Уезжаю с ночного перрона...»	79
Нине.....	80
Другу.....	81
«Вечереет, гляжу на закат...»	82
Заклинание.....	83
«Эта женщина моя...»	84
«То ли осень изменчива...»	85
Размолвка.....	86
Возвращенье блудного мужа.....	87
«Осенняя трава — цветов увядших сад...»	88
«Мне с тобой наедине...»	89
«Женщины, любимые, простите...»	90
«Я выпил море, или два...»	91
Зимняя сказка.....	92
«Было тогда все, как помнится, проще...»	93
Зимний романс.....	94
В поезде.....	95
«Давайте целоваться...»	96
«Гуляют вьюги, вновь зима...»	97
«Не знаю, не знаю, не знаю...»	98

Шуточное	99
«Где чувства старые, где новь...»	100
Вечерняя дума	101
«Сказала, что вышла на миг...»	102
Живу, и радуюсь, и плачу...	
«Живу, и радуюсь, и плачу...»	104
Дома	105
Перед битвой	106
«Что в мир подлунный мы несем...»	107
Предисловие	108
Исповедь поэта	109
«Мне не нравится эта погода...»	110
«Деньги есть—гуляем, брат, на все...»	111
Русское похмелье	112
Нищета	113
«Спит спокойно гордый внук славян...»	114
«Все те же улицы, дома...»	115
Божья воля	116
«Взглядами встретились и потерялись...»	117
«С тобой в разладе — день не день...»	118
1951 год	119
Август	120
«Я снова загнан в угол...»	121
«Кому звездная дорога...»	122
«Болит душа, мне скажут — ну и что ж...»	123
«Вот и состарилась улочка тихая...»	124
Осеннее	125
Родителям	126
Март	127
«Однажды выйду из ворот...»	128
«Я печку затоплю...»	129
«Я огонь в печи раздую...»	130
«В этот дождь окунусь с головою...»	131
Юное фото жены	132
«Начищу до блеска ботинки...»	133
«Рано утром приеду к тебе...»	134
Три стихотворения Глебу	135
Сыну	136
Глебка	137
«На мне рубаха новая...»	138
«Прихворнула душа, думу думает...»	139
Статуетке, стоящей на столе	140
«Улеглась, устоялась погода...»	141
«Не снись, не надо...»	142
«Что-то оплачено кровью и потом...»	143
«Старые дровни скрипят от мороза...»	144
«От щемящей тоски замираю...»	145
Памяти дочери	146

«Тихая заводь, трава, да тальник...»	147
«Видится сон, или снится мне быль...»	148
Новая сказка	149
«Так и не встретились с тобой...»	150
Актеру В. Мирошниченко	151
«В реке свинцовая вода...»	152
«... Со мною будет все иначе...»	153
«Жил. И не просто ведь жил...»	154
«Мы эту зиму еще передюжим...»	155
Сотворение	156

Готовы словом стать ...

«Проснусь внезапно среди ночи...»	158
«Все испытал я: и бури, и стужу...»	159
«Забуду тебя, забуду...»	160
«Мимолетность встречи...»	161
Война и мир.....	162
Зимняя ночь в Кемерово	163
«Во сне я видел сон...»	164
Быль	165
«Научился жить-лукавить...»	166
«Отодвинуты засовы...»	167
«Если ты идешь путем окольным...»	168
«Я любовь собирал по крохам...»	169
Детская игра.....	170
Бытие	171
Начало.....	172
Русь-1993	173
«Жизнь моя пустынна и пуста ...»	174
Причастие	175
Русский плач	176
Разговор за столом.....	177
Воспоминание о 1953 годе	178
«Снова изменились времена...»	179
Русскому мужику	180
Дочери Светлане	181
Балахонка.....	182
Настроение	183
«Эта женщина Востока...»	184
После зимы	185
Поэту	186
«Лают в деревне собаки...»	187
Клеветникам России	188
Лесной человек	189
Собачья жизнь	190
«Япил вино...».....	191
Признание	192
Осень на улице Весенней.....	193
Кураж.....	194
Рассвет.....	195

Литературно-художественное издание

Бурмистров Борис Васильевич

**ДЕНЬ ЗИМНЕГО
СОЛНЦЕСТОЯНИЯ**

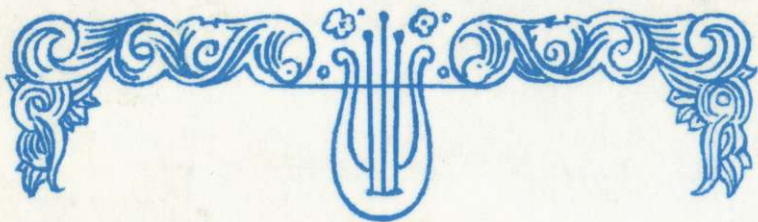
Стихи

Редактор А.Г. Ибрагимов
Художественный редактор
В.П. Кравчук
Корректор А.Н. Колюхова

ЛР №030775

Подписано в печать 02.07.2001. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ариэл».
Усп. печ. л. 15,84. Уч.-изд. л. 8,97. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1588. Цена договорная.

Издательство «Сибирский писатель»
650099, г. Кемерово, Советский пр-кт, 40
Кемеровский полиграфкомбинат
650099, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

НЕ РАЗЛЮБИ
ДУША
ПОКЛОНИСЬ ЗЕМЛЕ РУССКОЙ
ЛИРИКА
ЖИВУ, И РАДУЮСЬ, И ПЛАЧУ...
ГОТОВЫ СЛОВОМ СТАТЬ...

